

Адвокат дьявола

Автор:

Эндрю Найдерман

Адвокат дьявола

Эндрю Найдерман

У Кевина Тейлора есть все: успех, молодость, талант, красавица-жена. Но Кевин хочет большего. Соблазнительное предложение работы в лучшей адвокатской конторе Нью-Йорка сулит новые перспективы: все, о чем мечтает Кевин, станет реальностью. При одном условии – если он станет защитником зла. Адвокатом дьявола.

Эндрю Найдерман

Адвокат дьявола

Посвящается Аните Диамант

Очень стильной леди

Andrew Neiderman

The Devil's Advocate

Copyright © 1990 by Andrew Neiderman

Originally published by Pocket Books, a division of Simon&Schuster, Inc.

© Новикова Т.О. перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

«На следующий день ребенка нашли в ванне мертвым»

– Боже правый!

– Вы с нами уже достаточно долго, Кевин, – заметил мистер Милтон. – Пора бы уже и перестать произносить нечто подобное... – Кевин смутился. – Вас не должно удивлять то, что в мире так много боли и страданий. А Иисусу, похоже, нет до этого дела, – продолжал мистер Милтон.

– Но я не понимаю, как вам удалось к этому привыкнуть...

– Вам придется – иначе будет сложно справляться со своей работой.

Мистер Милтон подтолкнул Дейву папку, и тот передал ее Кевину. Кевину страшно хотелось приступить к какому-нибудь сложному делу, но почему-то он почувствовал холодок в спине. Все смотрели на него, и он просто улыбнулся.

– Это будет замечательное дело, Кевин, – улыбнулся мистер Милтон. – Настоящее боевое крещение. Такой путь прошли все присутствующие – и погляди на них сегодня...

Кевин обвел взглядом кабинет. Все смотрели на него. Все были яркими, энергичными, полными сил. Кевину показалось, что он попал не в юридическую фирму, а стал членом некоего братства, братства по крови...

Пролог

Ричард Джеффи торопливо спускался по лестнице здания нью-йоркского суда. Почему-то он более напоминал адвоката, только что проигравшего дело, а вовсе не одержавшего блестящую победу. Он почти что бежал, и пряди тонких иссиня-черных волос металась в такт его шагам. Прохожие не обращали на него внимания. В Нью-Йорке все спешат – кто-то опаздывает на поезд, кто-то торопится поймать такси, а кто-то хочет успеть перебежать дорогу, пока не переключился сигнал светофора. Часто люди просто несутся по артериям Манхэттена, подчиняясь некоему импульсу невидимого, но вездесущего гигантского сердца, заставляющего город пульсировать в темпе, недоступном ни одному другому городу мира.

Клиент Джеффи, Роберт Фанди, остался позади. Репортеры облепили его с бессмысленной энергией рабочих пчел. Всех их интересовало одно: что думает владелец крупнейшей частной водопроводной компании в Нижнем Ист-Сайде о том, что его освободили от всех обвинений в вымогательстве? Не был ли суд политически ангажированным – ведь ходили слухи об участии Фанди в президентской гонке? Почему главный свидетель обвинения не сказал на суде того, что говорил в ходе следствия?

– Дамы... Господа... – Фанди вытащил из верхнего кармана пиджака кубинскую сигару. Репортеры замерли, ожидая, пока он ее раскурит. Фанди посмотрел на них и широко улыбнулся. – Все вопросы, пожалуйста, к моему адвокату. За это я ему и плачу.

Фанди рассмеялся.

Свора репортеров, словно посаженная на один поводок, повернулась к Ричарду как раз в тот момент, когда он уже садился в лимузин юридической фирмы «Джон Милтон и партнеры». Самый молодой и рьяный репортер метнулся вниз по лестнице, выкрикивая:

– Мистер Джеффи! Мистер Джеффи! Минуточку, пожалуйста!

Дверца лимузина захлопнулась, водитель обогнул машину и уселся за руль. Небольшая группа судебных репортеров разразилась хохотом при виде незадачи, постигшей их коллегу. Лимузин тронулся.

Ричард Джеффи откинулся назад, напряженно глядя перед собой.

– В офис, сэр? – спросил шофер.

– Нет, Харон. Домой, пожалуйста.

Высокий египтянин с оливковой кожей и миндалевидными глазами смотрел в зеркало заднего вида, словно в хрустальный шар. Он прищурился, и на безупречно гладком лице в уголках глаз появились морщинки. Водитель почти незаметно кивнул, подтверждая, что понял хозяина.

– Очень хорошо, сэр.

Харон откинулся на спинку и повел машину со стоическим видом помощника гробовщика, ведущего катафалк.

Ричард Джеффи не пошевелился. Он словно замер на сиденье роскошного лимузина, глядя прямо перед собой. Казалось, что 33-летний адвокат старится с каждой минутой. Лицо побледнело, светло-голубые глаза стали тускло-серыми, на лбу прорезались морщины. Он поднес руки к щекам и осторожно похлопал по ним, словно чтобы убедиться, что их еще не тронуло разложение.

Наконец он погрузился в спинку кресла и закрыл глаза. И почти сразу же он увидел Глорию – какой она была до переезда на Манхэттен. Он увидел ее такой, как в день их первой встречи – яркой, невинной, искрящейся весельем, но в то же время очень нежной. И очень доверчивой. Ее оптимизм и вера были такими освежающими. Она наполняла его силой. Рядом с ней он испытывал острое желание дать ей все, работать изо всех сил, лишь бы сделать мир таким нежным и счастливым, каким видела его она. Ему хотелось защищать ее и заботиться о ней, пока смерть не разлучит их.

Однако смерть разлучила их очень быстро... Это произошло меньше месяца назад, в родильной палате манхэттенской мемориальной больницы. А ведь за ней ухаживали лучшие врачи, и беременность протекала абсолютно нормально... Глория родила прекрасного сына, красивого, здорового, крепкого. Но родов она не пережила. Врачи не понимали, что произошло. Ему сказали, что у нее просто остановилось сердце – казалось, что оно поморщилось, вздохнуло и перестало биться навсегда.

Ричард знал, почему умерла Глория. Его подозрения подтвердились, и теперь он винил во всем только себя. Ведь это он привез Глорию сюда. Она доверяла ему, а он привез ее сюда, словно агнца на заклание.

Теперь его сын мирно спал в их квартире, жадно сосал молоко и рос совершенно нормально, не сознавая, что он вошел в этот мир без матери, которой пришлось умереть, чтобы он мог жить. Ричард понимал, что психологи сочли бы его чувства совершенно нормальными: в такой ситуации любой винил бы ребенка... Но психологам было неизвестно... Они просто не знали...

Конечно, ненавидеть младенца – трудно, просто невыносимо. Он был таким беспомощным и таким невинным. Ричард пытался убедить себя – сначала взывая к логике, потом к памяти Глории. Ее искрящееся жизнелюбие должно было помочь ему вновь обрести смысл жизни и рассудок.

И все же ничего не помогало. Он поручил ребенка няне и почти не интересовался им, лишь изредка заходя взглянуть на малыша. Ричард никогда не спрашивал, почему его сын плачет, не спрашивал о его здоровье. Он просто с головой ушел в работу, чтобы на другие мысли не оставалось времени. Работа поглотила его, и он старался не вспоминать ни о чем – иначе чувство вины просто сожрало бы его.

Работа стала плотиной, сдерживающей его личную трагедию. Однако сейчас, в лимузине, страдание обрушилось на него воспоминаниями об улыбках Глории, ее поцелуях, ее восторге, когда она узнала о беременности. Глаза Ричарда были закрыты, но он видел череду кадров из их жизни. Казалось, он смотрит семейный фильм в собственной гостиной.

– Приехали, сэр, – произнес Харон.

Приехали? Ричард открыл глаза. Харон уже открыл дверцу и стоял, ожидая, когда он выйдет. Ричард прижал к себе кейс, вышел из лимузина и посмотрел на водителя. Почти двухметровый гигант был на голову выше Ричарда, а широкие плечи и пронизывающий взгляд делали его еще выше. Он казался настоящим великаном.

Какое-то время Ричард смотрел на него. В глазах Харона он прочел странное понимание. Водитель не отличался разговорчивостью, но прекрасно понимал,

что происходит вокруг него. Казалось, что он живет на этой Земле уже много веков.

Ричард молча кивнул, Харон закрыл дверцу, вернулся за руль. Ричард проводил лимузин взглядом, повернулся и вошел в дом. Отставной нью-йоркский полицейский Филипп, служивший дневным охранником, оторвался от газеты и вскочил:

– Поздравляю, мистер Джеффи. Только что слышал новости. Приятно, наверное, выиграть еще одно дело?

– Спасибо, Филипп, – улыбнулся Ричард. – Все в порядке?

– Само собой, мистер Джеффи, – улыбнулся Филипп. – Как всегда. И не заметишь, как состаришься.

– Да уж, – кивнул Ричард, – да уж...

Он вошел в лифт и замер, дожидаясь, когда закроются двери. Поднимаясь на свой этаж, он прикрыл глаза и снова вспомнил, как они с Глорией впервые оказались в этом доме. Как она радовалась тогда... Она буквально визжала от счастья, когда они осматривали квартиру.

– Что я наделал? – пробормотал Ричард.

Двери лифта открылись, и он открыл глаза. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, потом вышел из лифта и подошел к двери квартиры. Как только он закрыл за собой дверь, из детской вышла няня, миссис Лоншан.

– О, мистер Джеффи...

Няне было всего 50, но она выглядела как настоящая бабушка – совершенно седая, грузная, с теплыми карими глазами и пухлыми щеками.

– Поздравляю! Я только что видела новости! Ради них даже прервали сериал...

– Спасибо, миссис Лоншан.

– С тех пор как вы начали работать в компании мистера Милтона, вы не проиграли еще ни одного дела, верно?

– Да, миссис Лоншан. Я не проиграл ни одного дела.

– Наверное, вы очень гордитесь собой...

– Да...

– С Брэдом все хорошо, – сказала няня, хотя он ее об этом не спрашивал. Ричард кивнул в ответ. – Я собираюсь дать ему бутылочку.

– Занимайтесь своими делами, миссис Лоншан.

Няня улыбнулась и вернулась обратно в детскую.

Ричард поставил свой кейс, огляделся и медленно направился через гостиную в патио, откуда открывался прекрасный вид на реку Гудзон. Но он не стал любоваться видом. Он шел как человек, который точно знает, что делает. Ричард поднялся на кресло, поставил левую ногу на парапет и подтянулся, держась за кованые поручни. А потом одним решительным, ловким движением кинулся вперед, словно хватаясь за протянутую кем-то руку. Ричард Джеффи головой вниз полетел с пятнадцатого этажа.

Глава 1

Двадцативосьмилетний Кевин Тейлор оторвал взгляд от бумаг, разложенных на длинном темно-коричневом столе, и сделал паузу, словно о чем-то задумавшись перед перекрестным допросом свидетеля. Такие мелкие драматические жесты были для него совершенно естественными. В них сочеталось актерское искусство и тонкое понимание психологии. Драматичная пауза между вопросом и взглядом на документы всегда нервировала свидетеля. Сейчас Кевин пытался запугать директора начальной школы Филиппа Корнбле – худого, бледного, почти лысого мужчину 54 лет. Свидетель ерзал на стуле, сцепив руки перед

собой и нетерпеливо перебирая пальцами. Кевин мельком взглянул на собравшихся в зале. Ему на ум пришла старая метафора: «Слышно, как муха пролетит». В зале царила напряженная тишина. Казалось, что все затаили дыхание. Неожиданно сквозь большие окна зала судебных заседаний Блисдейла хлынул солнечный свет, словно невидимый осветитель нажал на выключатель. Не хватало только крика режиссера: «Мотор!»

Зал заседаний был переполнен, но взор Кевина остановился на хорошо одетом, привлекательном мужчине в заднем ряду. На губах его играла теплая, гордая, почти отцовская улыбка. Однако мужчина был слишком молод, чтобы быть отцом Кевина – слегка за сорок. Его буквально окутывала атмосфера большого успеха. Кевин хорошо разобрался в стиле и сразу же узнал темно-серый костюм в полоску от Джорджо Армани. Он и сам тайком поглядывал на этот костюм перед тем, как купить двубортный темно-синий из тонкой шерсти, выбранный для сегодняшнего заседания. Но его-то костюм был куплен на распродаже, за полцены.

Мужчина заметил взгляд Кевина и слегка кивнул ему.

Тишину в зале заседаний подчеркивали резкие покашливания – то там то сям. Судили Лоис Уилсон, 25-летнюю учительницу пятого класса. Ее обвиняли в сексуальных домогательствах к подросткам. Все произошло в небольшом городке Блисдейл, графство Нассау.

Блисдейл – своего рода спальный район: практически все его жители по утрам отправляются на работу в Нью-Йорк. Городок выглядит довольно провинциально и служит оазисом высшего среднего класса. Элегантные дома, ухоженные газоны и лужайки, чистые широкие улицы с красными кленами и дубами, довольно тихий деловой квартал... Никаких огромных торговых центров, переполненных покупателями магазинов, заправок, ресторанов и мотелей. Все вывески подчиняются строгим правилам. Ярким, кричащим цветам здесь не место, а огромные рекламные плакаты попросту под запретом.

Местным жителям всегда нравилось ощущать себя здесь словно в коконе. Они могли уезжать в Нью-Йорк и возвращаться по своему желанию, но, возвращаясь, они снова вели свое надежно защищенное существование Алисы в Зазеркалье. В Блисдейле не случилось ничего особенного. И жителей это вполне устраивало.

И вдруг одну из новых учительниц начальной школы, Лоис Уилсон, обвинили в сексуальных домогательствах к десятилетней девочке. В ходе расследования, проведенного в школе, обнаружилось еще три аналогичных случая. Имевшаяся информация и ходившие по округе слухи подтверждали, что Лоис Уилсон была лесбиянкой. Вместе со своей подругой, учительницей иностранного языка в соседней средней школе, они снимали домик на окраине Блисдейла. Ни одну из них ни разу не видели с мужчиной. У них просто не было никаких отношений с мужчинами.

Никто в фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер» не обрадовался тому, что Кевин взялся за это дело. Он сделал это по собственной инициативе – сам предложил свои услуги Лоис Уилсон, узнав о ее проблеме. Взявшись за дело, Кевин пригрозил уйти из фирмы, если кто-то из старших партнеров запретит ему участвовать в процессе. Фирма все больше его раздражала. Его выводило из себя здешнее консервативное отношение к закону – он прекрасно представлял, какой будет его жизнь, если он тут задержится. Дело Лоис Уилсон стало первым по-настоящему драматическим процессом в его карьере. Кевину впервые представилась возможность продемонстрировать свое умение и профессиональные навыки. Он чувствовал себя, словно спортсмен, которому наконец-то удалось выйти на важные соревнования. Пока что это была не Олимпиада, но уж точно не турнир старшеклассников. Об этом деле уже писали нью-йоркские газеты.

Окружной прокурор Мартин Балм сразу же предложил Кевину сделку с правосудием, надеясь, что дело не выплеснется на страницы газет и не превратится в ненужную городу сенсацию. Главным его аргументом – и в этом он рассчитывал на понимание Кевина – была возможность не вызывать детей в зал заседаний и не заставлять их снова переживать этот ужас. Если Лоис признает свою вину, ей дадут пять лет условно и обяжут обратиться к психологу. Конечно, об учительской карьере придется забыть.

Однако Кевин посоветовал Лоис не идти на сделку, и она с ним согласилась. Теперь она сидела на скамье обвиняемых, скромно потупившись и сложив руки на коленях. Она вняла совету Кевина и теперь выглядела не высокомерной стервой, а страдающей, уязвленной женщиной. Время от времени она промокала глаза платочком.

Кевин заставил клиентку отрепетировать свое поведение. Он научил ее пристально смотреть на свидетелей и с надеждой на присяжных. Репетицию он

записал на видео, а потом просмотрел запись вместе с Лоис. Он научил ее всему – как и на кого смотреть, как поправлять волосы, какую позу принять, какие делать жесты. Наступила эпоха видео: теперь важна мимика, позы и жесты.

Кевин мельком взглянул на свою жену. Мириам сидела в четырех рядах от него. Она показалась ему напряженной, и неудивительно – ведь она так беспокоилась за него. Мириам считала, что Сэнфорд Бойл прав и браться за это дело не следует. Но в этом процессе Кевин поставил на кон больше, чем в любом другом за три года работы. Он не мог говорить ни о чем ином. Он долгими часами репетировал, изучал материалы дела, работал по выходным. Он сделал многое сверх того, что полагалось за обещанный гонорар.

Кевин уверенно улыбнулся Мириам и резко развернулся, словно сработала невидимая пружина.

– Мистер Корнбле, вы лично побеседовали с тремя девочками во вторник 3 ноября?

– Да.

– О них сообщила вам предполагаемая первая жертва, Барбара Стэнли? – Кевин кивнул, подтверждая ответ, прежде чем свидетель успел ответить.

– Вы правы. Поэтому я пригласил их в свой кабинет.

– Можете ли вы сказать нам, что вы сказали им, когда они пришли?

– Извините? – Корнбле нахмурился. Вопрос показался ему странным.

– Какой вопрос вы задали девочкам первым? – Кевин сделал шаг к присяжным. – Может быть, вы спросили, не трогала ли мисс Уилсон их за ягодицы? Или вы спросили, не залезала ли она им под юбки?

– Конечно же нет!

– Хорошо, а что же тогда вы спросили?

– Я спросил их, действительно ли у них были проблемы, сходные с той, которая возникла у Барбары Стэнли с мисс Уилсон.

– Сходные проблемы? – Произнося слово «проблемы», Кевин поморщился.

– Да.

– Значит, Барбара Стэнли рассказала своим подружкам о том, что якобы с ней случилось, и три девочки признались в аналогичных «проблемах». Но ни одна из них прежде никому об этом не говорила. Так?

– Да. Я понял это именно так.

– Какая харизматичная десятилетняя девочка, – как бы про себя, но достаточно громко пробормотал Кевин. Некоторые присяжные удивленно подняли брови. Лысый мужчина, сидевший справа, задумчиво склонил голову и пристально посмотрел на директора школы.

Когда Кевин обернулся к залу, он заметил, что элегантный мужчина в заднем ряду улыбается еще шире и одобрительно кивает. «Не родственник ли это Лоис Уилсон? – подумал Кевин. – Может быть, старший брат?»

– А теперь, мистер Корнбле, расскажите, пожалуйста, суду, какие оценки Барбара Стэнли получала по предмету Лоис Уилсон.

– Самые невысокие.

– Самые невысокие... А были ли у нее какие-то проблемы с мисс Уилсон ранее?

– Да, – пробормотал директор школы.

– Извините?

– Да, были. Мисс Уилсон дважды отправляла Барбару в мой кабинет за то, что девочка отказывалась работать в классе и сквернословила, но...

– То есть вы хотите сказать, что Барбара изначально была не в восторге от мисс Уилсон?

– Протестую, ваша честь, – вскочил прокурор. – Адвокат подталкивает свидетеля к выводам.

– Принимается, – кивнул судья.

– Прошу прощения, ваша честь. – Кевин снова повернулся к свидетелю. – Мистер Корнбле, давайте вернемся к тем трем девочкам. В тот день вы предложили каждой из них рассказать о том, что произошло?

– Я подумал, что так будет лучше... Да.

– Не хотите ли вы сказать, что девочки рассказывали о своих проблемах в присутствии друг друга? – потрясенно и недоверчиво спросил Кевин.

– Именно так.

– Но разве это допустимо? Я имею в виду, разве можно было заставлять девочек рассказывать о таком... непристойном поведении...

– Но это же было расследование...

– Понимаю. Вам уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным?

– Нет, никогда. Вот почему это происшествие глубоко меня потрясло.

– Вы предупредили девочек о том, что у них могут возникнуть серьезные сложности, если они поднимут шум?

– Разумеется.

– Но вы им поверили, верно?

– Да.

- Почему?

- Потому что все они говорили одно и то же и описывали ситуацию одинаково.

Корнбле явно был доволен собой и своими ответами, но тут Кевин подошел ближе и приступил к самой ответственной части допроса. Он начал буквально обстреливать свидетеля короткими, отрывистыми вопросами.

- Вам не кажется, что девочки могли отрепетировать свои ответы?

- Что?

- Не могли ли они сговориться и выучить свои рассказы?

- Я не понимаю...

- Такое возможно?

- Ну...

- Вам никогда не доводилось сталкиваться с тем, что дети в таком возрасте могут лгать?

- Конечно, доводилось.

- И порой дети лгут коллективно?

- Да, но...

- Разве такое не случается?

- Полагаю, да.

- Вы полагаете?

- Ну...

- Вы вызвали мисс Уилсон в кабинет сразу же после разговора с девочками? Вы обсудили с ней эту ситуацию?

- Да, конечно.

- И какова же была ее реакция?

- Она не отрицала этого.

- Вы хотите сказать, что она отказалась отвечать на подобные вопросы без присутствия адвоката, верно?

Корнбле заерзал на своем месте.

- Я правильно понимаю? - настаивал Кевин.

- Она сказала именно так.

- Поэтому вы стали действовать, сообщили о ситуации руководителю школьного комитета, а затем известили окружного прокурора?

- Да. Мы действовали в соответствии с инструкцией школьного совета для подобных ситуаций.

- Вы не проводили дополнительного расследования? Не беседовали с другими учениками?

- Конечно же нет.

- И прежде чем мисс Уилсон были предъявлены официальные обвинения, вы и руководитель школьного комитета отстранили ее от работы, верно?

- Как я уже говорил...

- Пожалуйста, просто отвечайте на вопрос.

- Да.

- Да, - повторил Кевин, словно свидетель только что признал свою вину. Он выдержал паузу, с легкой улыбкой повернулся к присяжным, а потом снова вернулся к допросу.

- Мистер Корнбле, случилось ли вам ранее высказывать претензии мисс Уилсон касательно подготовленных ею материалов оформления класса?

- Да.

- С чем были связаны эти претензии?

- Ее материалы были слишком скудными и не соответствовали стандартам.

- То есть вы критиковали ее как учителя?

- Оформление класса является важным показателем эффективности работы учителя, - сухо ответил Корнбле.

- Да, понимаю, но мисс Уилсон не... скажем так, не разделяла вашего представления о значимости оформления класса.

- Нет, не разделяла.

- Она, как вы написали в ее характеристике, была «небрежна»?

- К сожалению, большинство молодых учителей не получают в колледжах столь качественного образования, как раньше, - усмехнулся Корнбле.

Кевин кивнул.

- Действительно, почему все вокруг не могут быть такими, как мы? - риторически спросил он, и кое-кто в зале рассмеялся. Судья недовольно

стукнул молоточком.

– Кроме того, вы не одобряли манеру одежды мисс Уилсон, верно? – Кевин перешел к более активным действиям.

– Я считаю, что она должна одеваться более консервативно. Вы правы...

– Однако непосредственная руководительница мисс Уилсон постоянно высоко оценивала ее профессиональные качества, – перебил свидетеля Кевин, повысив голос. – В последнем отчете она пишет, – Кевин заглянул в свои бумаги, – «Лоис Уилсон демонстрирует глубокое понимание детской психологии. Сколь серьезной ни была бы ситуация, она всегда находит способ достучаться до детей и стимулировать их нужным образом». – Кевин отложил листок. – Неплохая характеристика, не правда ли?

– Да, но, как я сказал...

– У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Кевин вернулся на свое место, будто пылая от ярости – он научился вызывать в себе такое состояние мгновенно. Все взгляды были устремлены на него. Кевин взглянул на элегантного мужчину в заднем ряду и заметил, что улыбка покинула его лицо, сменившись выражением искреннего восхищения. Кевин почувствовал себя польщенным.

А вот Мириам, напротив, явно была расстроена. Она чуть не плакала. Когда Кевин посмотрел на нее, она быстро отвела глаза. «Ей стыдно за меня, – подумал он. – Господи боже, ей все еще стыдно за меня. Больше такого не будет!»

– Мистер Балм, – обратился судья к прокурору. – У вас есть вопросы к мистеру Корнбле?

– Нет, ваша честь. Мы хотели бы вызвать Барбару Стэнли, ваша честь. – В голосе окружного прокурора слышалось отчаяние.

Кевин успокаивающе похлопал Лоис Уилсон по руке. Он заставил обвинение перейти к главным козырям.

Пухлая девочка с короткими вьющимися русыми волосами направилась к месту для дачи показаний. На ней было светло-голубое платье с белыми рюшами на воротничке и рукавах. Просторное платье еще больше подчеркивало ее полноту.

Барбара нерешительно заняла свое место и подняла руку для присяги. Кевин кивнул и бросил понимающий взгляд на Мартина Балма. Судя по всему, девочка хорошо подготовилась и знала, чего ожидать. Прокурор тоже выполнил свою домашнюю работу, но Кевин чувствовал, что сам он сделал больше. И это должно принести свои плоды.

– Барбара, – начал Мартин Балм, подходя к девочке.

– Минуту, мистер Балм, – остановил прокурора судья и наклонился к Барбаре Стэнли. – Барбара, ты понимаешь, что только что принесла присягу? Ты поклялась говорить правду...

Барбара посмотрела в зал, повернулась к судье и кивнула.

– И ты понимаешь, насколько важны будут твои слова?

Девочка снова кивнула, на сей раз не столь уверенно. Судья откинулся на спинку кресла и произнес:

– Продолжайте, мистер Балм.

– Благодарю вас, ваша честь. – Прокурор направился к свидетельнице.

Высокий и худощавый прокурор собирался строить политическую карьеру, и перспективы у него были очень неплохие. Это дело беспокоило его. Он надеялся, что Кевин и Лоис Уилсон пойдут на сделку, но они отказались, и теперь ему предстояло опираться исключительно на показания десятилетних девочек.

– Барбара, расскажи суду, что ты сказала в тот день мистеру Корнбле. Не торопись.

Барбара быстро взглянула на Лоис. Кевин проинструктировал свою подзащитную, чтобы Лоис пристально смотрела на всех детей, особенно на тех трех девочек, которые подтвердили обвинения Барбары Стэнли.

– Ну... иногда, когда мы занимались искусством...

– Искусством, – перебил ее прокурор. – Что это такое, Барбара?

– Искусство – это рисование, чтение или музыка. Мы все идем к учителю рисования или пения, – ответила девочка, почти не открывая глаз. Кевин видел, что она отчаянно старается все сделать правильно. Он оглянулся на зал и заметил, что некоторые слушатели улыбаются, явно симпатизируя девочке. Но мужчина в заднем ряду смотрел на Барбару весьма недоброжелательно, почти со злобой.

– Понимаю, – кивнул прокурор. – Эти занятия проходят в другом классе, верно?

– Угу...

– Пожалуйста, Барбара, отвечай «да» или «нет», хорошо?

– Уг... То есть да.

– Хорошо, иногда, когда вы занимались искусством... – продолжил Балм.

– Мисс Уилсон просила кого-то из нас задержаться, – ответила Барбара.

– Задержаться? Остаться в классе наедине с ней?

– Уг... да.

– И?

- Однажды она попросила задержаться меня.

- И что ты рассказала мистеру Корнбле об этом случае?

Барбара повернулась так, чтобы не смотреть Лоис в глаза. Потом она сделала глубокий вдох и ответила:

- Мисс Уилсон попросила меня сесть рядом с ней. Она сказала, что считает, что я вырасту красивой девочкой, но я кое-что должна узнать о своем теле. Что-то такое, о чем взрослые не любят говорить. - Барбара замолчала и уставилась в пол.

- Продолжай...

- Она сказала, что есть такие особые места...

- Особые?

- Уг... да.

- И что она хотела объяснить тебе об этих местах, Барбара?

Барбара бросила короткий взгляд в сторону Лоис Уилсон и повернулась к Балму.

- Барбара, чему она хотела тебя научить? - повторил прокурор.

- Что происходит что-то особенное, когда... когда их кто-то трогает.

- Понятно. И что она делала потом? - Прокурор кивнул, чтобы подбодрить девочку.

- Она показала мне эти места.

- Показала? Как?

- Она указала на них, а потом сказала, что я должна позволить ей потрогать их, чтобы мне все стало понятно.

- И ты позволила, Барбара?

Барбара плотно сжала губы и кивнула.

- Да?

- Да.

- В каких именно местах она тебя трогала, Барбара?

- Здесь и здесь. - Барбара указала на грудь, потом между ног.

- Она просто трогала тебя или делала что-то еще?

Барбара закусилась нижней губой.

- Это тяжело, Барбара, мы понимаем. Но мы должны задать тебе эти вопросы, чтобы восторжествовала справедливость. Ты же понимаешь, верно?

Девочка кивнула.

- Ответь суду, что еще делала мисс Уилсон?

- Она положила руку сюда, - ответила девочка, положив правую руку между ног, - и стала тереть.

- Положила руку сюда? Ты хочешь сказать, под одежду?

- Да.

- И что случилось потом, Барбара?

- Она спросила, чувствую ли я что-нибудь. Я сказала, что мне щекотно, она рассердилась и убрала руку. Она сказала, что я еще не готова это понять, но она попробует еще раз в другое время.

- И она попробовала?

- Не со мной, - быстро ответила Барбара.

- С твоими подругами? С другими девочками из класса?

- Угу... Да...

- И когда ты сказала им, что делала с тобой мисс Уилсон, они рассказали, что она делала с ними, верно?

- Да.

По залу пробежал легкий шум. Судья сурово посмотрел на собравшихся, и мгновенно воцарилась тишина.

- И потом вы вместе рассказали все мистеру Корнбле?

- Да.

- Хорошо, Барбара. Сейчас тебе будет задавать вопросы мистер Тейлор. Отвечай ему так же честно, как и мне, - сказал прокурор, повернулся к Кевину и покачал головой. Он тоже отлично владел искусством драматического жеста.

«Хороший прием, - подумал Кевин. - Нужно запомнить: отвечай ему так же честно, как и мне».

- Барбара, - произнес Кевин, поднимаясь с места. - Твое полное имя - Барбара Элизабет Стэнли, верно?

Он говорил легко и дружелюбно.

- Да.

- В вашем классе есть еще одна Барбара, верно?

Девочка кивнула, и Кевин, улыбаясь, подошел ближе.

- Но ее зовут Барбара Луиза Мартин, - продолжал Кевин. - Чтобы не путать вас, мисс Уилсон называет ее Барбарой Луизой, а тебя просто Барбарой, так?

- Да.

- Тебе нравится Барбара Луиза?

Девочка пожала плечами.

- А мисс Уилсон Барбара Луиза нравится больше, чем ты? Как ты думаешь?

Барбара Стэнли, прищурившись, посмотрела на Лоис.

- Да.

- Потому что Барбара Луиза лучше учится?

- Я не знаю.

- И потому что Барбара Луиза никогда не сквернословит в классе, как это делаешь ты?

- Я не знаю.

- Ты никогда не пыталась настроить других девочек против Барбары Луизы?

- Нет.

– Вспомни, Барбара, судья говорил, что ты должна говорить правду, давая показания в суде. Ты говоришь правду?

– Да.

– Ты не писала подружкам записок с насмешками над Барбарой Луизой?

Губы Барбары дрогнули.

– А мисс Уилсон не поймала тебя, когда ты передавала такие записки другим девочкам из класса? – кивнув, спросил Кевин.

Барбара посмотрела на Лоис Уилсон, потом перевела взгляд на зал – туда, где сидели ее родители.

– Мисс Уилсон записывает все, что происходит в ее классе, – сказал Кевин, поворачиваясь к Корнбле и доставая из папки листок. – Она сохранила эти записи. Ты написала кому-то: «Давайте звать ее Барбарой Лузер», и другие девочки стали называть ее именно так, верно?

Барбара молчала.

– И те девочки, которые утверждают, что мисс Уилсон их домогалась, тоже называли Барбару Луизу «Барбарой Лузер», верно?

– Да. – Барбара чуть не плакала.

– Значит, ты солгала, когда я спросил тебя, не пыталась ли ты настроить других девочек против Барбары Луизы, верно? – неожиданно резко спросил Кевин.

Барбара Стэнли закусила нижнюю губу.

– Значит, ты солгала? – настаивал адвокат.

Барбара кивнула.

- А может быть, ты солгала и о том, что только что рассказывала мистеру Балму?

Девочка замотала головой.

- Нет, - произнесла она чуть слышно.

Кевин чувствовал на себе ненавидящие взгляды слушателей. По щеке Барбары скатилась слеза.

- Ты всегда хотела, чтобы мисс Уилсон любила тебя так же, как и Барбару Луизу. Верно, Барбара?

Девочка пожала плечами.

- Ты всегда хотела быть самой популярной девочкой в классе - и у мальчиков, и у девочек. Верно?

- Не знаю.

- Ты не знаешь? Может быть, ты снова лжешь? - Кевин взглянул на присяжных. - Ты говорила об этом Мэри Лестер, верно?

Барбара замотала головой.

- Я могу вызвать сюда Мэри, так что, Барбара, ты должна говорить правду. Ты ведь говорила Мэри, что хотела бы, чтобы Барбару Луизу все ненавидели, а тебя любили?

- Да.

- Значит, Барбара Луиза была популярной девочкой, верно?

- Угу... Да.

- И ты тоже хотела быть популярной? А кто бы не захотел? - Кевин почти смеялся.

Барбара не понимала, нужно ли отвечать на этот вопрос, но адвоката ее ответ не интересовал.

– А теперь, Барбара, ты и другие девочки обвиняете мисс Уилсон в том, что она делала с вами сексуальные вещи, плохие сексуальные вещи. Верно?

Барбара кивнула, глаза ее расширились. Кевин не отрывал от нее взгляда.

– Да, – в конце концов произнесла она.

– Подобные сексуальные действия с тобой совершали впервые? Ты впервые делала что-то сексуальное, Барбара? – быстро спросил адвокат.

Присутствующие в зале ахнули, потом раздался неодобрительный шепот. Судья стукнул молоточком.

Барбара медленно кивнула.

– Да?

– Да, – ответила девочка.

– А что вы делали в тот день, когда ты пригласила к себе после школы Джеральда и Тони? Твоих родителей не было дома. Вместе с тобой были Пола, Сара и Мэри?

Барбара покраснела. Она беспомощно хлопала глазами. Кевин приблизился к ней и очень тихо, почти шепотом, спросил:

– А ты знаешь, что Мэри рассказала мисс Уилсон про тот случай?

Барбара была в ужасе. Она отрицательно замотала головой.

Кевин улыбнулся. Взглянув на Мартина Балма, он с удовлетворением отметил, что прокурор выглядит смущенным. Кевин кивнул и усмехнулся, глядя на присяжных.

– В классе мисс Уилсон ты вела себя не очень-то хорошо, так, Барбара? – спросил он легким, дружелюбным тоном, как в самом начале допроса.

– Да. – Барбара вытерла глаза. – Но я не виновата, – быстро добавила она, радуясь, что допрос пошел в другом направлении.

Кевин сделал паузу, словно обдумывая услышанное, но тут же задал новый вопрос:

– Думаешь, мисс Уилсон не любит тебя? И поэтому тебе так нелегко?

– Да.

– И ты не хотела бы, чтобы она осталась учителем в вашем классе?

Барбара не могла оторвать глаз от Лоис, которая буквально гипнотизировала ее взглядом. Девочка пожала плечами.

– Нет или да? – настаивал Кевин.

– Я всего лишь хотела, чтобы она перестала придираться ко мне...

– Понимаю. Все хорошо, Барбара. Когда предположительно произошел тот инцидент между тобой и мисс Уилсон? В какой день это было?

– Протестую, ваша честь, – вскочил Балм. – Не думаю, что эта маленькая девочка должна точно помнить даты.

– Ваша честь, эта маленькая девочка является одним из главных свидетелей обвинения против моей клиентки. Мы не можем выбирать, что она должна и чего не должна помнить о столь серьезных обвинениях. Если ее свидетельство в каком-то отношении неточно...

– Хорошо, мистер Тейлор, – согласился судья. – Я понял вашу точку зрения. Протест отклонен. Задавайте свои вопросы, мистер Тейлор.

- Благодарю, ваша честь. Хорошо, Барбара, забудем о дате. Это случилось в понедельник или четверг? - быстро спросил Кевин, буквально набрасываясь на девочку.

- Э-э-э... вторник.

- Вторник? - Кевин подошел к Барбаре еще ближе.

- Да.

- Но у вас нет уроков искусства по вторникам, Барбара, - быстро произнес Кевин. Ему повезло - он сумел вывести девочку из равновесия.

- Э-э-э... я хотела сказать, в четверг, - беспомощно пробормотала Барбара.

- Ты хотела сказать, в четверг. Ты уверена, что это случилось не в понедельник?

Барбара покачала головой.

- Известно, что мисс Уилсон очень часто уходила в учительскую, когда у нее был перерыв. Она не оставалась в классе, когда ученики выходили.

Барбара непонимающе смотрела на адвоката.

- Значит, это был четверг?

- Да, - тихо произнесла девочка.

- А с другими девочками это предположительно происходило тоже по четвергам? - спросил Кевин, будто бы запутавшись в фактах.

- Протестую, ваша честь. Девочку не знакомили с чужими показаниями.

- Напротив, - произнес Кевин. - По-моему, ее очень даже хорошо с ними знакомили.

– И кто же? – возмутился прокурор.

– Джентльмены! – Судья застучал молоточком. – Протест принимается. Мистер Тейлор, ваши вопросы должны касаться исключительно показаний этой свидетельницы.

– Отлично, ваша честь. Барбара, когда ты рассказала другим девочкам о том, что с тобой произошло? Сразу же? – Кевин задал свои вопросы, не дав девочке прийти в себя.

– Нет.

– Ты рассказала им об этом в тот день, когда у вас была вечеринка с Джеральдом и Тони?

Девочка снова закусила нижнюю губу.

– Ты рассказала им об этом в тот день? Ты выбрала этот момент по какой-то причине? В тот день произошло нечто такое, что подтолкнуло тебя к тому, чтобы рассказать об этом?

По щекам Барбары заструились слезы. Она покачала головой.

– Если ты хочешь, чтобы мы поверили в твою историю про мисс Уилсон, ты должна открыть нам все, Барбара. И остальные девочки тоже. Почему ты рассказала о мисс Уилсон именно в тот вечер? Чем вы занимались с мальчиками?

На лице Барбары появилось выражение настоящего ужаса.

– Конечно, если только ты все это не придумала и не сговорила с другими девочками, – добавил Кевин, давая Барбаре возможность отступить. – Ты все придумала, Барбара?

Девочка сидела, буквально окаменев. Ее губы дрожали. Она молчала.

– Если ты скажешь нам правду сейчас, все закончится, – пообещал адвокат. – Никто больше ничего не узнает, – добавил он шепотом.

Барбара молчала.

– Барбара?

– Ваша честь, – вмешался Балм. – Мистер Тейлор запугивает свидетеля.

– Я так не думаю, мистер Балм, – отрезал судья. Он наклонился к Барбаре и произнес: – Барбара, ты должна ответить на вопрос.

– Ты солгала мистеру Корнбле, потому что тебе не нравилась мисс Уилсон? – быстро спросил Кевин.

Это был отличный ход. Предполагалось, что девочка уже ответила утвердительно. Боковым зрением Кевин заметил, что присяжные изумлены таким поворотом дела.

Барбара покачала головой, но по ее щекам заструились слезы.

– Ты понимаешь, что могла разрушить карьеру мисс Уилсон, Барбара? – спросил Кевин, отступая в сторону, чтобы Лоис Уилсон могла смотреть прямо на девочку. – Это не игра. Это не игра, в которую вы играли у тебя дома. Это не игра в «особые места».

Последние слова Кевин произнес громким шепотом, и лицо девочки побагровело. Глаза ее широко раскрылись. Она в отчаянии смотрела в зал.

– Если ты не сказала всей правды раньше, то лучше сказать ее сейчас, чем продолжать лгать. Подумай, Барбара, и скажи нам правду, – добавил Кевин, буквально нависая над девочкой и глядя на нее широко раскрытыми глазами.

А потом он отступил назад, как боксер, готовящийся нанести роковой удар.

– Мисс Уилсон никогда не трогала других девочек. Они согласились обвинить ее, потому что в тот вечер в твоём доме занимались чем-то особенным, верно? Ты пригрозила им, что расскажешь об этом всем, если они тебе не помогут.

Барбара открыла рот, не в силах произнести ни слова. Ее лицо так покраснело, словно вся кровь прилила к щекам. Она в отчаянии смотрела на родителей. Кевин встал так, чтобы девочка не видела окружного прокурора.

- Мы не будем говорить о том, что происходило в твоем доме, - снисходительно произнес он. - Но ведь ты подговорила своих подруг рассказать это? Ты объяснила им, как и что нужно говорить? Верно, Барбара?

Кевин умело подвел девочку к нужному ответу.

- Когда сюда вызовут других девочек, им придется говорить о том дне и о том, во что вы играли. И им придется сказать правду. Но если ты скажешь правду сейчас, нам нет нужды их выслушивать. Ты подучила их?

- Да, - пробормотала девочка.

- Что?

- Да. - Барбара разрыдалась.

- И тогда они сказали мистеру Корнбле то, что велела сказать им ты, - закончил Кевин, вбивая последний гвоздь в крышку гроба.

Он отвернулся от Барбары и посмотрел на присяжных. Его лицо демонстрировало одновременно гнев и скорбь. Все посмотрели на девочку, потом перевели взгляд на Кевина.

- Но я не лгала им! - прокричала Барбара сквозь слезы. - Я не лгала!

- Похоже, Барбара, ты уже достаточно наврала в этом зале.

Кевин повернулся к окружному прокурору и покачал головой. Барбара рыдала. Ее пришлось вывести из зала через боковую дверь.

Кевин вернулся на свое место, глядя прямо на собравшихся в зале. Большинство из них были шокированы. Иные выглядели смущенными. Мистер Корнбле был в ярости, как и многие известные жители города. А вот джентльмен в последнем ряду улыбался Кевину. Мириам покачала головой и утерла слезу.

Лоис Уилсон ожидала от своего адвоката какого-то сигнала. Он кивнул. И тогда она, словно по его команде, посмотрела на Барбару прощающим взглядом и вытерла так вовремя выступившую и хорошо отрепетированную слезу.

Окружной прокурор поднялся. На судью и слушателей он смотрел абсолютно бесстрастно, потому что понимал – продолжать бессмысленно.

Глава 2

«Брэмбл Инн» был одним из лучших ресторанов близ Блисдейла. Английский мясной ресторан славился каре ягненка и восхитительным домашним трайфлом со взбитыми сливками и фруктами. Кевину и Мириам нравилась атмосфера этого места – она ощущалась сразу же, прямо на мощеной дорожке и в большом вестибюле, где стояли тяжелые деревянные скамьи, а в выложенном кирпичом камине весело потрескивал огонь. Вряд ли можно было найти в зимний вечер более романтичное занятие, чем посидеть с коктейлем у камина в баре «Брэмбл Инн». Обычно в этом ресторане собиралась весьма респектабельная публика. Многие знали Кевина. Кое-кто останавливался, чтобы поздравить с успехом. Как только Кевин и Мириам остались наедине, он прижался к ее плечу и поцеловал жену в щеку.

Месяц назад Мириам купила черную кожаную юбку и куртку, но спрятала их в шкафу, надеясь устроить Кевину сюрприз, когда представится повод. И вот он представился. Узкая юбка плотно облегла бедра, подчеркивая красивую линию ягодиц и открывая стройные, красивые ноги. Мириам выглядела соблазнительно, но не вульгарно. Под куртку она надела бело-зеленую трикотажную блузку, словно специально скроенную для ее пышной груди и изящных узких плеч.

Высокая, с густыми, вьющимися темно-русыми волосами до плеч Мириам Тейлор нигде не осталась бы незамеченной. Она целый год занималась в школе

моделей Мари Симон на Манхэттене и, хотя никогда не выходила на реальный подиум, навсегда сохранила осанку и грацию супермодели.

Кевина она очаровала голосом – глубоким, сексуальным голосом, достойным Лорен Бэколл. Он даже просил Мириам произнести самую любимую свою фразу из фильма: «Просто свистни! Ты ведь умеешь свистеть, Сэм... Просто сложи губы трубочкой и свистни».

Стоило ей посмотреть на него своими яркими карими глазами, поднять плечо и произнести эти слова, заменив «Сэма» на «Кевина», ему казалось, что какая-то невидимая рука сжимает его сердце. Захоти она – и он надел бы ошейник и вручил ей поводок. Для нее он был готов сделать все, что угодно.

– Я виновен в болезненной привязанности к собственной жене, – говорил он ей. – Очень редкий и малоизвестный грех! Стоило мне встретить тебя, и я тут же нарушил первую заповедь: не сотвори себе кумира.

Они познакомились на коктейле в юридической фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер», где Кевин работал. Фирма только что открыла новый офис в недавно построенном здании в Блисдейле. Мириам пришла на вечеринку вместе с родителями. Ее отец, Артур Моррис, был самым известным дантистом города. Сэнфорд Бойл познакомил Кевина с Моррисами, и с первой же минуты Кевин и Мириам не могли оторвать друг от друга глаз. Они улыбались, обменивались взглядами, а потом разговорились – и проговорили весь вечер. Мириам согласилась поужинать с ним в тот вечер. Их роман был стремительным, страстным и жарким. Не прошло и месяца, как Кевин сделал предложение.

А сейчас они сидели в баре «Брэмбл Инн» и отмечали его успех. Мириам заметила, что с момента их знакомства Кевин очень изменился.

«Как он повзрослел», – подумала она. Кевин выглядел намного старше своих 28 лет. Он стал зрелым мужчиной, способным все держать под контролем. В его зеленых глазах читалась абсолютная уверенность в себе, а жесты выдавали человека, обладающего огромным опытом, который приходит с годами. Кевина нельзя было назвать крупным, но он обладал подтянутой, спортивной фигурой, буквально излучавшей энергию. Когда это было нужно, он умел демонстрировать силу и эмоции, но чаще всего оставался весьма сдержанным. Он был настолько организованным, здоровым, честолюбивым и упорным, что

Мириам часто подшучивала над ним и вспоминала строчки из старой песенки: «Он так хорош, он так замечателен, так здоров и телом и душой: он – глубоко уважаемый человек в городе...»

– Ну скажи мне, что ты почувствовала сегодня, когда сидела в зале заседаний? Ты гордилась мной? Ну хоть чуть-чуть...

– Кевин, я вовсе не говорила, что не горжусь тобой! Ты действовал... мастерски, – ответила Мириам. Но она никак не могла забыть испуганное лицо той девочки, ту панику, которая возникла в ее глазах, когда Кевин пригрозил рассказать всем, чем она и ее подружки занимались в тот день в ее доме. – Мне просто хотелось бы, чтобы ты выиграл по-другому, не угрожая ребенку раскрыть его тайны...

– Конечно, это было бы лучше, – кивнул Кевин. – Но я должен был это сделать. Кроме того, не забывай, что Барбара Стэнли и сама шантажировала подружек, чтобы принудить их оговорить свою учительницу.

– Она была такой жалкой, когда ты набросился на нее...

Кевин побледнел.

– Не забывай, это не я выдвинул обвинения против Лоис Уилсон, – сказал он. – Это сделал Мартин Балм. Это он вызвал Барбару Стэнли в суд и подверг ее перекрестному допросу – не я. Я защищал свою клиентку, ее права и будущее. Именно об этом я должен был думать в первую очередь.

– Но, Кевин, а что, если она подговорила других девочек дать показания вместе с ней, потому что боялась сделать это одна?

– Обвинение должно было действовать по-другому или выдвинуть протест... Это меня не касается. Говорю тебе, Мириам, я – адвокат. Я должен защищать клиента, используя любые доступные методы. Иначе я просто не выполню свою работу. Ты же это понимаешь?

Мириам кивнула. Она вынуждена была согласиться, хотя и неохотно. Кевин был прав.

– Ну неужели ты совсем не гордишься тем, как я вел себя в суде? – снова спросил он, прижимаясь к плечу жены.

Мириам улыбнулась.

– В тебе умер великий актер, Кевин Тейлор. Ты так двигался, так смотрел на присяжных, так умело задавал вопросы... – Мириам рассмеялась. – Тебя нужно выдвинуть на «Оскар»!

– Это настоящий спектакль, правда, Мириам? Когда я захожу в зал заседаний, со мной происходит что-то невероятное. Я не могу этого объяснить. Словно поднимается занавес и я должен играть свою роль. Уже неважно, кто клиент, в чем суть дела. Я просто на сцене и должен делать то, что я делаю...

– Как это неважно, кто клиент и в чем суть дела? Неужели ты готов защищать кого угодно?

Кевин молчал.

– Кого угодно?

Он пожал плечами:

– Все зависит от гонорара, полагаю.

Глаза Мириам сузились.

– Кевин, ответь честно.

Он поднял правую руку и посмотрел на жену.

– Клянусь говорить правду, только правду...

– Я серьезно. – Мириам опустила его руку.

– Ну хорошо, что ты хочешь узнать?

Кевин повернулся и прислонился к барной стойке.

– Оставь свой юридический жаргон. Не рассказывай мне о роли обвинения, роли адвоката и всем таком... Ты доказал, что три девочки солгали, сделали это под давлением, – ну или хотя бы создал такое впечатление. Я не отрицаю, что Барбара Стэнли вела себя не лучшим образом. Но что, если Лоис Уилсон действительно ее домогалась? Что, если это была правда? Ты же разговаривал с ней, вы много общались...

– Может быть, – ответил Кевин. Он отвернулся, и Мириам почувствовала какой-то холодок.

– Может быть?

– Я защищал ее, – пожал плечами Кевин. – Я же тебе уже говорил: моя задача – найти слабые места в позиции обвинения и нанести удар именно туда.

– Но если она виновна...

– Кто знает, кто виновен, а кто нет? Если бы, чтобы защищать клиента, мы должны были бы быть абсолютно уверены в его невиновности, то мы по миру пошли бы.

Кевин махнул кому-то в зале и заказал новый коктейль.

Внезапно Мириам почувствовала, что на солнце набежала туча. Она выпрямилась и посмотрела вокруг. Ее взгляд остановился на элегантно, весьма привлекательном черноволосом мужчине, который в одиночестве сидел за столиком в углу. Мириам была уверена, что он смотрит на них. Неожиданно мужчина улыбнулся. Она улыбнулась в ответ и быстро отвела взгляд. Когда она вновь взглянула в ту сторону, мужчина по-прежнему смотрел на них.

– Кевин, ты знаешь того мужчину в углу? Он смотрит прямо на нас...

– Мужчину? – Кевин повернулся. – Да. То есть нет, но сегодня я видел его в суде.

Мужчина снова улыбнулся и кивнул. Кевин кивнул в ответ. Мужчина явно воспринял этот знак как приглашение, поднялся и направился к ним. Он оказался высоким и довольно подтянутым.

– Добрый вечер, – поздоровался он, протягивая Кевину крупную ладонь с длинными пальцами и безукоризненным маникюром. Ни мизинце красовалось плоское золотое кольцо с монограммой «П». – Позвольте мне присоединиться к поздравлениям и войти в список ваших почитателей. Пол Сколфилд.

– Благодарю вас, Пол. Это моя жена, Мириам.

– Миссис Тейлор, – церемонно поклонился Сколфилд. – У вас есть все основания для гордости.

– Спасибо, – покраснела Мириам.

– Я не хотел вам мешать, – продолжал новый знакомый, – но сегодня я был в суде и имел возможность увидеть вас в деле.

– Да, я помню. – Кевин посмотрел прямо в глаза собеседнику. – Я видел вас, но не думаю, что мы встречались раньше.

– Конечно нет. Я живу не здесь. Я адвокат, и моя фирма находится в Нью-Йорке. Могу я присоединиться к вам ненадолго? – Сколфилд указал на свободный стул рядом с Кевином.

– Конечно.

– Благодарю. Вижу, вы только что заказали напитки – я угостил бы вас. – Он сделал знак бармену. – Коктейль с шампанским, пожалуйста.

– В какой области права вы специализируетесь, мистер Сколфилд? – спросил Кевин.

– Пожалуйста, называйте меня Пол. Наша фирма занимается только уголовными делами, Кевин. Возможно, вы о нас слышали – «Джон Милтон и партнеры».

Кевин подумал, потом покачал головой:

– Извините, нет.

– Ничего, – улыбнулся Сколфилд. – О нашей фирме никто и не знает, пока не возникают проблемы. Мы – узкие специалисты. Мы беремся за такие дела, от которых другие отказываются.

– Звучит... интересно, – осторожно произнес Кевин. Он уже начал жалеть, что пригласил этого человека присоединиться к ним. Продолжать разговор не хотелось. – Полагаю, нам пора поинтересоваться нашим столиком, да, Мириам? Что-то я проголодался...

Мириам кивнула, поняв намек мужа, и сделала знак метрдотелю.

Сколфилд тоже все понял.

– Я уже говорил, что не хочу показаться навязчивым. – Он вытащил из кармана визитку. – Я пришел в зал суда сегодня не просто так. Мы слышали о вас, Кевин.

– Правда? – удивился Кевин.

– Да. Мы всегда внимательно следим за молодыми, талантливыми адвокатами, которые берутся за уголовные дела. Кстати, сейчас в нашей фирме есть вакансия.

– Да?

– Понаблюдав за вами в зале суда, я понял, что вы нам подходите. Возьмите мою визитку и подумайте над этим предложением.

– Да, но...

– Я понимаю, что вам наверняка будут предлагать партнерство в вашей фирме, но, рискуя показаться снобом, хочу сказать, что работа здесь не принесет вам и половины того удовлетворения – и того дохода, – что можем предложить вам мы.

– Половины дохода?

К ним подошел метрдотель.

– Ваш столик готов, сэр.

– Спасибо. – Кевин снова повернулся к Сколфилду. – Вы сказали – половины дохода?

– Да, – кивнул тот. – Я знаю, сколько вы будете получать, став партнером в своей фирме. Мистер Милтон готов сразу же удвоить эту сумму. И очень скоро вы будете получать приличные бонусы. Абсолютно уверен в этом. – Сколфилд поднялся. – Не хочу больше отнимать у вас время. Вы оба заслужили право побыть наедине, – добавил он, подмигивая Мириам.

Она снова почувствовала, что краснеет.

Сколфилд подтолкнул свою визитку ближе к Кевину.

– Просто позвоните нам. Вы не пожалеете. – Он поднял бокал и произнес: – Хочу еще раз поздравить вас с великолепной победой. Миссис Тейлор.

Он выпил бокал и оставил их.

Кевин замер. Потом он взглянул на визитку. Выпуклый шрифт словно парил над картоном, сразу бросаясь в глаза. Тихая музыка, приглушенные голоса вокруг, даже голос Мириам смолкли. Кевин почувствовал себя где-то далеко...

– Кевин?

– А?

– Что с тобой?

– Не знаю... Но предложение интересное, верно?

Сколфилд уже вернулся за свой столик и по-прежнему улыбался Мириам. Она почувствовала холодок. Сердце часто забилося.

– Кевин, наш столик готов...

– Да, конечно...

Кевин еще раз взглянул на визитку, быстро сунул ее в карман, поднялся и направился в обеденный зал следом за Мириам.

Их уютный столик расположился в укромном уголке в глубине ресторана. Небольшая масляная лампа окутывала столик нежным, теплым волшебным светом. Они заказали белое вино и потихоньку потягивали его, вспоминая другие свои романтические вечера и особые моменты. Нежная тихая музыка парила над залом, словно в кинофильме. Кевин поднес руку Мириам к губам и поцеловал пальцы. Они смотрели друг на друга с таким выражением, что официантка, подошедшая принять заказ, почувствовала себя неловко.

Про Пола Сколфилда Мириам заговорила лишь после того, как им принесли заказанные блюда.

– Ты действительно никогда не слышал об этой фирме?

– Нет. – Кевин задумался на мгновение и покачал головой. Потом достал карточку из кармана. – Но это ничего не значит. Знаешь, сколько юридических фирм в одном лишь Нью-Йорке? Кстати, место отличное – угол Мэдисон и 44-й улицы.

– Тебе не кажется странным, что другой адвокат приехал, чтобы посмотреть на твое выступление?

Кевин пожал плечами.

– Не знаю. Да нет, пожалуй, нет. А как еще оценить человека, которого хочешь пригласить на работу? И не забывай, – с явным удовольствием добавил он, – об этом деле писали в нью-йоркских газетах. В прошлое воскресенье статья об этом заняла в «Таймс» целую колонку.

Мириам кивнула, но Кевин видел, что ее что-то беспокоит.

– Почему ты спросила?

– Не знаю... Он так говорил... и дал тебе карточку... Он был слишком уверен...

– Уверенность приходит с успехом, полагаю. Интересно, он серьезно говорил о деньгах? Вдвое больше, чем у партнера в «Бойл, Карлтон и Сесслер»...

Кевин снова взглянул на карточку и покачал головой.

– Ты и без того достаточно зарабатываешь.

– Денег много не бывает. Да и дела такие, как с этой Уилсон, попадаются редко. Боюсь, оставшись здесь, мне придется погрязнуть в корпоративном законодательстве и сделках с недвижимостью. Практиковаться в уголовных делах здесь просто негде...

– Раньше тебя это не волновало, Кевин.

– Знаю. – Кевин наклонился вперед. В его глазах отразился огонек маленькой лампы, и лицо неожиданно изменилось – из мягкого и спокойного стало возбужденным и страстным. – Но сегодня в зале суда со мной что-то произошло, Мириам. Я чувствовал это. Я буквально горел. Я шел по грани – ощущал, что каждое слово очень важно. Это совсем не то, что заниматься чьими-то землями или собственностью. На кону стояла целая жизнь. Будущее Лоис Уилсон было в моих руках. Я чувствовал себя... как нейрохирург в сравнении с врачом из приемного покоя, вправляющим вывих.

– Нет ничего плохого, чтобы порой заниматься несложными делами о недвижимости, – тихо произнесла Мириам. Возбуждение Кевина ее пугало.

– Конечно нет. Но чем сложнее дело, тем интереснее работа. Я знаю. Мириам, пойми, я не канцелярская крыса. Я... Я – адвокат!

Мириам кивнула. Ее улыбка растаяла. В голосе Кевина, в его глазах было что-то пугающее. Она чувствовала, что той жизни, о которой она мечтала, ему будет мало.

– Но, Кевин, – сказала она через какое-то мгновение, – ты же никогда не думал об этом прежде... Да и сейчас, если бы этот человек не появился...

– Возможно, нет, – пожал плечами муж. – Может быть, я сам не знаю, чего хочу. – Он снова взглянул на карточку и положил ее в карман. – Как бы то ни было, у нас есть время все обдумать. Не думаю, что партнерство мне предложат прямо в понедельник. Партнерам нужно посоветоваться. Они считают, что все должно определиться и устояться.

Кевин рассмеялся, но совсем не так, как прежде. Теперь его смех был резким, холодным.

– Они даже любовью с женами не занимаются, не взвесив сначала все «за» и «против». Посмотри только на их жен – эти люди физически не могут вести себя импульсивно.

Он снова рассмеялся – холодно и презрительно, но Мириам его не поддержала. Никогда прежде Кевин не говорил так о своей фирме. Ей всегда казалось, что он хочет быть таким же, как они.

– Ягненок сегодня отличный, правда? – спросил он, и Мириам, улыбнувшись, кивнула.

Она была рада, что разговор перешел на другую тему. Сердце чуть-чуть успокоилось, и неприятное ощущение в груди прошло. Они больше не разговаривали о законах и процессах. После кофе и десерта им стало совсем хорошо, они отправились домой и занялись любовью так страстно, как никогда прежде.

Но на следующее утро она увидела, что Кевин ищет в шкафу те брюки, в которых он был в «Брэмбл Инн». Он сунул руку в карман, достал визитку Пола Сколфилда, посмотрел на нее и положил во внутренний карман пиджака, в котором собирался идти на работу в понедельник.

В выходные Кевин почувствовал, что окружающие стали относиться к нему по-другому. Друзья, которые могли бы поздравить его с успехом, так и не позвонили. Мириам поговорила с матерью, и разговор этот, как понял Кевин, был не самым приятным. Он стал расспрашивать, и Мириам призналась, что ее мать поссорилась с одной из своих близких подруг, потому что защищала зятя.

Он и сам чуть было не ввязался в ссору, когда в воскресенье утром заехал заправить машину. Хозяин заправки, Боб Солтер, бормотал что-то о том, что в этой стране хорошо живется только геям и лесбиянкам.

И холодный прием в офисе в понедельник утром Кевина уже не удивил. Секретарша Мэри Экерт сухо с ним поздоровалась, а секретарь Гарта Сесслера, Тереза Лондон, лишь улыбнулась и тут же отвернулась, когда он направлялся к своему столу.

Прошло совсем немного времени, и на его столе зазвонил телефон. Секретарь Сэнфорда Бойла, Мира Брокпорт, голосом суровой учительницы начальных классов сказала:

– Мистер Тейлор, мистер Бойл хочет видеть вас. Немедленно.

– Спасибо. – Кевин бросил трубку, поднялся и поправил галстук.

Он был абсолютно уверен в себе и спокоен. А почему бы и нет? Всего за три года он сумел оставить неизгладимый след в этой уважаемой, старой фирме. Брайан Карлтон и Гарт Сесслер потратили больше пяти лет на то, чтобы стать полноправными партнерами. Когда-то эта фирма называлась «Бойл и Бойл». Сэнфорд работал со своим отцом. Сегодня Томасу Бойлу было уже за восемьдесят, но он сохранил острый ум и оказывал серьезное влияние на своего 54-летнего сына.

Кевин опасался, что Бойл, Карлтон и Сесслер не захотят делать его партнером. В отношении собственной фирмы они были настоящими снобами. Все они были адвокатами в третьем поколении и считали себя как члены королевской семьи, потомки монархов, получившие скипетры и троны по наследству. У каждого было свое королевство – один занимался делами о наследстве, другой – недвижимостью...

Их дома были самыми большими в Блисдейле. Их дети ездили на «Мерседесах» и «БМВ», учились в самых престижных школах, и двое из них уже приближались к окончанию юридических факультетов. Все профессионалы относились к ним с почтением, с радостью бывали у них и были счастливы, когда те принимали приглашения. Стать партнером в такой фирме было равносильно помазанию на престол.

Мириам всю жизнь принадлежала к высшему обществу Блисдейла и отлично это понимала. В их жизни наступил период, когда они задумались о покупке дома мечты. Мириам заговорила о детях. Их благополучное существование казалось устоявшимся и прочным. Ей и в голову не приходило, что Кевин думает вовсе не о спокойной жизни в небольшом сообществе Лонг-Айленда, а о чем-то ином. Он родился и вырос в Вестбери. Его родители по-прежнему там жили, отец владел аудиторской фирмой. Кевин окончил юридический факультет Нью-Йоркского университета, вернулся на Лонг-Айленд, встретил девушку своей мечты и нашел хорошую работу. Теперь он принадлежит этому кругу. Такова его судьба. Или такой она была?

Кевин вошел в кабинет Сэнфорда Бойла, где собрались все трое партнеров. Ему предложили кресло перед столом Бойла – при этом он оказался в центре. Брайан Карлтон сидел слева, Гарт Сесслер – справа. «Они меня прямо окружили», – удивленно подумал он.

Сэнфорд Бойл был старшим из партнеров: Брайану Карлтону исполнилось 48, а Гарту Сесслеру 50. Возраст явно брал свое. У Бойла был вид человека, которому никогда не приходилось ни стричь собственную лужайку, ни выносить мусор. Он был почти лысым, щеки обвисли, а двойной подбородок дрожал, когда Бойл начинал говорить.

– Кевин, – начал он. – Вы помните, как мы отнеслись к этому делу, когда вы сказали, что хотите им заняться.

– Да. – Кевин переводил взгляд с одного на другого. Партнеры сидели, как суровые судьи пуританского суда. Черты их лиц приобрели какую-то скульптурность, и каждый больше напоминал статую, нежели живого человека.

– Мы считаем, что вы вели себя в зале суда абсолютно мастерски – были точны и ядовиты. Пожалуй, даже слишком ядовиты...

– Извините?

– Вы практически вынудили девочку признаться.

– Я сделал то, что должен был. – Кевин откинулся на спинку кресла и улыбнулся Брайану Карлтону.

Высокий, худой Карлтон тоже откинулся назад. Он сложил кончики длинных пальцев, словно показывая, что просто наблюдает за разговором, не принимая участия в дискуссии. Гарта Сесслера вежливое вступление явно раздражало. Он постукивал пальцами по подлокотнику.

Удивительно, но раньше Кевин даже не понимал, насколько ему противна эта троица. Да, все они были яркими личностями, но характера у них было не больше, чем у компьютера. Все их реакции были автоматическими и лишены эмоций.

– Уверен, вы в курсе, что местное общество бурлит. Нам всем в выходные звонили клиенты, друзья... – Бойл помахал рукой, словно отгоняя мух. – Реакция оказалась именно такой, как мы и ожидали. Наши клиенты, от которых в значительной степени зависит наше благосостояние, не одобрили нашу позицию в деле Лоис Уилсон.

– Нашу позицию? А эти люди слышали когда-нибудь о презумпции невиновности? Я защищал ее, и она была оправдана.

– Она не была оправдана. – Брайан Карлтон саркастически усмехнулся. – Обвинению просто выкрутили руки, и они вынуждены были отступить, когда вы загнали десятилетнюю девочку в ловушку и заставили признаться в том, что она кое о чем солгала.

- Это одно и то же, - парировал Кевин.

- Вряд ли. Но я не удивлен тем, что вы не видите разницы.

- Что вы хотите сказать?

- Давайте вернемся к теме разговора, - перебил их Гарт Сесслер. - Еще до того, как вы с головой ушли в это дело, мы пытались объяснить вам, что предпочитаем не связываться со столь противоречивыми делами. Мы - консервативная фирма. Мы не ищем публичности и неоднозначной известности. Подобные дела отпугивают серьезных клиентов, принадлежащих нашему кругу.

Сесслер окончательно перехватил инициативу в разговоре.

- Мы с Сэнфордом и Брайаном проанализировали вашу работу в нашей фирме, - продолжил он. - Мы поняли, что вы серьезный, ответственный человек, имеющий перспективы.

- Перспективы? - Кевин инстинктивно повернулся к Брайану. Он входил в этот кабинет в твердой уверенности, что его будущее определено. И речь должна была идти вовсе не о перспективах.

- В сфере уголовного законодательства, - сухо произнес Брайан.

- Которым мы не занимаемся, - закончил мысль Сэнфорд.

Кевин растерялся, но тут же взял себя в руки.

- Понимаю. Значит, речь идет не о том, чтобы предложить мне партнерство в «Бойл, Карлтон и Сесслер»?

- Вы понимаете, что вопрос партнерства не решается в одночасье, - сказал Гарт. - Ценность такого предложения заключается не только в финансовых преимуществах, но и в истинном его смысле, а смысл этот проистекает из вклада человека в жизнь общества, а не только фирмы. Почему бы...

– Впрочем, – перебил его Сэнфорд Бойл, – мы не видим оснований к тому, чтобы вы не смогли достаточно быстро стать партнером в фирме, которая занимается уголовными делами. – Он сверкнул улыбкой и наклонился вперед, сложив руки на столе. – Не считайте, что нас не устраивает ваша работа в этой фирме – я хочу еще раз это подчеркнуть.

– То есть вы не увольняете меня, а даете понять, что мне лучше поработать в другом месте, – резко произнес Кевин, но тут же пожал плечами и улыбнулся. – Впрочем, я как раз собирался поговорить о своей отставке.

– Извините? – наклонился вперед Брайан.

– Я уже получил другое предложение, джентльмены.

Сэнфорд Бойл быстро переглянулся с партнерами. Брайан хранил ледяное спокойствие. Гарт удивленно поднял брови. Кевин знал, что они ему не поверили – они и мысли не допускали, что он мог думать о другой фирме. Их высокомерие стало казаться ему отвратительным.

– Где-то в нашем районе? – уточнил Бойл.

– Нет... Пока что я не вправе сказать больше. – Ложь слетала с его губ совершенно естественно. – Но, заверяю, вы узнаете об этом первыми. После Мириам, конечно.

– Разумеется, – кивнул Сэнфорд.

Кевин прекрасно знал, что эти трое частенько принимали личные решения, не советуясь с женами, и это тоже было ему отвратительно: их отношения с женами и детьми были чересчур отстраненными. Его передернуло при мысли о том, что когда-то и он вместе с ними мог бы предлагать партнерство яркому, молодому адвокату, который мог бы сделать прекрасную карьеру в другом месте, но отдал бы предпочтение безопасности и респектабельности «Бойл, Карлтон, Сесслер и Тейлор» (боже упаси!).

– Впрочем, мне лучше вернуться к работе и закончить бумаги по делу Уилсон. Благодарю за столь сомнительную уверенность в моем будущем, – добавил он и

вышел, оставив партнеров в полном недоумении.

Когда дверь кабинета захлопнулась за его спиной, Кевин ощутил удивительное и восхитительное чувство свободы. Он словно прыгнул с парашютом и теперь наслаждался свободным падением. За несколько минут он обманул свою судьбу и теперь мог сам распоряжаться собственной жизнью.

Мира не поняла, почему он так широко улыбается.

– С вами все в порядке, мистер Тейлор?

– Замечательно, Мира. Лучше я себя не чувствовал... целых три года!

– О, я...

– Увидимся позже. – И Кевин скрылся в своем кабинете.

Он долго сидел за столом, размышляя. Потом медленно потянулся к карману и вытащил визитку Пола Сколфилда. Кевин положил ее на стол перед собой и уставился на нее. Однако смотрел он не на кусочек картона. Он видел нечто большее. Ему рисовалась картина, как он выступает в городском суде, защищая человека, обвиненного в убийстве. Позиция обвинения сильна и подкреплена уликами, но что значит все это против него, Кевина Тейлора из фирмы «Джон Милтон и партнеры»? Присяжные ловят каждое его слово. Репортеры гонятся за ним по коридорам суда, вымаливая крупницы информации, мечтая о его предсказаниях и заявлениях.

Его мечтания прервала Мэри Экерт. Она постучала в дверь и принесла почту. Мэри улыбалась, но по ее взгляду Кевин понял, что разговоры уже пошли.

– Мэри, не подскажите, у меня сегодня нет никаких встреч, о которых я мог бы забыть?

– Нет. Завтра утром вы встречаетесь с мистером Сеттоном относительно его сына. Вы просили меня достать полицейский рапорт.

– А, да... Шестнадцатилетний парень прокатился на соседской машине?

– Именно.

– Увлечательное дело...

Мэри наклонила голову, удивленная таким сарказмом. Как только она вышла, Кевин позвонил в «Джон Милтон и партнеры» и попросил соединить его с Полом Сколфилдом.

Через пятнадцать минут он уже ехал на Манхэттен, не позвонив Мириам и не рассказав ей о том, что произошло.

Глава 3

Фирма «Бойл, Карлтон и Сесслер» располагалась в весьма комфортабельном, со вкусом оформленном офисе в Блисдейле. Почти двадцать лет назад Томас Бойл превратил небольшой двухэтажный дом с щипцовой крышей в офис для себя и сына. Уют и обаяние его офиса объяснялись очень просто – здесь царил домашняя атмосфера. Здесь все чувствовали себя свободно – по мнению Кевина, даже слишком свободно. Странно, прежде он никогда так не думал. Ему всегда нравились домашние шторы, гардины, ковры и все такое. Утром он выходил из одного дома и тут же попадал в другой. Раньше он считал именно так.

Но как только он вошел в офис «Джон Милтон и партнеры», все изменилось. Он вышел из лифта на 28-м этаже, откуда открывался потрясающий вид на центр Манхэттена и на Ист-Ривер. В конце коридора он увидел двойные дубовые двери с изящной табличкой «Джон Милтон и партнеры, адвокаты». Он вошел и оказался в роскошной приемной.

В просторной комнате стоял длинный кожаный диван коричневого цвета, кожаный диванчик и кожаные кресла – все говорило об успехе. Над диваном висела невероятно яркая абстрактная картина – судя по всему, оригинал Кандинского. Кевин подумал, что офис успешной юридической фирмы должен выглядеть именно так.

Он закрыл за собой дверь и ступил на роскошный пушистый ковер коричневатого цвета – ему казалось, что он идет по слою зефира. Подходя к секретарше, сидевшей за полукруглым столом тикового дерева, он улыбался. Девушка оторвалась от компьютера, чтобы поздороваться с ним, и он тут же стал улыбаться еще шире. В этом офисе не было места для уютной и простой Миры Брокпорт или седой и бледной Мэри Экерт, которые встречали клиентов «Бойл, Карлтон и Сесслер». Кевина встретила ослепительной красоты брюнетка, вполне достойная участия в конкурсе «Мисс Америка».

Прямые иссиня-черные волосы мягко спадали на плечи, кончики их почти касались лопаток. Девушка напоминала итальянку – типичная Софи Лорен с прямым римским носом и высокими скулами. Темные глаза буквально сияли.

– Добрый день. Вы мистер Тейлор?

– Да. Красивый офис.

– Спасибо. Мистер Сколфилд ждет вас. Я провожу вас прямо к нему. – Девушка поднялась. – Хотите что-нибудь выпить? Чай, кофе, «Перье»?

– «Перье», пожалуйста. Спасибо.

Вслед за секретаршей Кевин направился к длинному коридору.

– С лаймом? – повернулась к нему девушка.

– Да, спасибо.

Движения ее тела завораживали. Они шли по коридору и остановились на маленькой кухне. На высокой, стройной девушке была черная трикотажная юбка и белая блузка с длинными рукавами. Юбка так обтянула ее бедра и ягодицы, что Кевин видел, как двигаются ее мышцы. У него перехватило дыхание. Он улыбнулся при мысли о том, как это не понравилось бы Бойлу, Карлтону и Сесслеру. Девушка протянула ему тяжелый стакан с искрящейся водой со льдом.

– Благодарю вас.

От ее взгляда и теплой улыбки у Кевина заняло в паху. Он покраснел.

- Идемте, - предложила девушка.

Они прошли мимо кабинета, конференц-зала, еще одного кабинета и остановились перед дверью, где красовалась табличка с именем Пола Сколфилда. Девушка постучала и открыла дверь.

- Мистер Сколфилд, к вам мистер Тейлор.

- Спасибо, Диана.

Пол Сколфилд поднялся, чтобы поприветствовать гостя. Секретарша кивнула и вышла, и Кевин просто не мог оторвать от нее взгляда. Судя по всему, подобные чувства были вполне понятны Сколфилду, и он не стал торопить Кевина.

- Рад видеть вас, Кевин.

- Прекрасный кабинет, Пол.

Кабинет Пола Сколфилда был вдвое больше, чем у Сэнфорда Бойла. Здесь господствовал стиль хай-тек - мебель обита блестящей черной кожей, а книжные полки и стол сияли белизной. Из двух окон левее стола открывался вид на город и Ист-Ривер.

- Замечательный вид, - сказал Кевин.

- Потрясающий, вы не думаете? Из всех кабинетов открывается такой вид. Из вашего, разумеется, тоже.

- Простите?

- Пожалуйста, садитесь. Я уже сообщил мистеру Милтону, что вы приехали, и он хочет встретиться с вами, после того как мы поговорим.

Кевин сел в черное кожаное кресло перед столом Сколфилда.

– Рад, что вы решили серьезно обдумать наше предложение. Мы буквально завалены работой. – Глаза Сколфилда сияли. – Ваша фирма предложила вам партнерство?

– Не совсем. Они предложили мне возможность подыскать что-то более подходящее моему характеру, – ответил Кевин.

– Что? – Пол перестал улыбаться.

– Дело Лоис Уилсон и то, как я его вел, их смутило. Юридические уловки, приемы, все такое – это в норме вещей, если делается соответственно. Ну вы понимаете – например, манипулировать какой-нибудь бабушкой, чтобы заполучить кусок ее наследства, или искать пробелы в налоговом законодательстве ради обогащения и без того богатых клиентов, – с горечью объяснил Кевин.

Пол покачал головой и рассмеялся.

– Близорукость. Провинциальная узость мышления. Вот почему вам там не место, Кевин. Мистер Милтон был совершенно прав относительно вас. – Лицо Сколфилда стало серьезным. – Вы принадлежите этому миру... вы наш.

– Это сказал мистер Милтон?

– Именно. Он первым вас заметил, а он никогда не ошибается в людях. Этот человек обладает потрясающим чутьем.

– Мы с ним встречались? – Кевин никак не мог понять, как человек может быть настолько уверен в том, с кем он даже незнаком.

– Нет, но он всегда ищет ярких молодых юристов... Он ходит на слушания и процессы, как бейсбольные тренеры на игры школьных команд. Сначала он увидел вас в действии, а потом послал меня. Так он нанял нас всех. Сегодня вы со всеми познакомитесь – с Дейвом Котейном, Тедом Маккарти, нашими секретарями. Но позвольте мне сначала показать вам ваш кабинет, а потом мы пройдем к мистеру Милтону.

Кевин сделал последний глоток и поднялся вслед за Сколфилдом. Они прошли дальше по коридору и остановились у кабинета, с двери которого только что сняли табличку с именем.

– Должно было случиться что-то экстраординарное, чтобы человек захотел покинуть такую фирму, – заметил Кевин.

Взгляд Пола стал жестким. Он кивнул.

– Так и есть. Личная трагедия. Ричард Джаффи совершил самоубийство, после того как его жена умерла во время родов. Он был блестящим адвокатом. Не проиграл ни одного дела в нашей фирме.

– Извините. Я не знал.

– Мистер Милтон все еще расстроен из-за этого, как и мы все. И это понятно. Но теперь вы с нами, Кевин, – Сколфилд похлопал его по плечу, – и это не может не радовать.

– Спасибо, но, похоже, мне придется нелегко после такого предшественника.

– Вы справитесь. Если мистер Милтон считает, что вы справитесь, значит, так оно и есть, – подбадривающе кивнул Пол.

Кевин чуть не рассмеялся от такой уверенности, но увидел, что Пол Сколфилд говорит абсолютно серьезно.

Сколфилд открыл дверь, и Кевин оказался в своем будущем кабинете.

Сколько раз за последние три года он сидел в своем крохотном кабинете в «Бойл, Карлтон и Сесслер» и мечтал о том, как станет знаменитым нью-йоркским адвокатом и будет работать в роскошном кабинете с потрясающим видом!

Перед ним стоял Т-образный стол, мягкое кожаное рабочее кресло, кожаный диванчик и кожаное же кресло у стола. Ковер был таким же мягким, как и в приемной. Светло-бежевые шторы обрамляли окно. Стены были обшиты светлыми деревянными панелями, и это придавало комнате ощущение свежести

и чистоты.

– Все кажется новым...

– Мистер Милтон распорядился все поменять. Надеюсь, вам нравится.

– Нравится?! Да я просто влюбился!

Пол кивнул. Кабинет поразил Кевина абсолютно всем – от изысканной позолоченной телефонной системы до золоченого набора ручек и карандашей. На столе стояли серебряные рамки, ожидавшие личных фотографий, а рамки на стенах предназначались для дипломов Кевина, причем рамок было ровно столько же, сколько и в его кабинете в Блисдейле. «Совпадение, наверное, – подумал он. – Хороший знак».

Кевин подошел к окну. Как и говорил Пол, перед ним открылся фантастический вид на город.

– Нравится?

– Очень.

Кевин заглянул в ванную, полюбовался блестящими кранами и выложенными красивой плиткой стенами и полом. В ванной имелась даже душевая кабина.

– Я мог бы перебраться сюда прямо сейчас. – Кевин просмотрел книги в большом книжном шкафу слева от стола. – Мне даже ничего не нужно привозить. – Он рассмеялся и еще раз оглядел кабинет. – Это просто... невероятно.

– Мистер Милтон будет рад узнать, что вам понравилась его работа, Кевин. – Пол взглянул на часы. – Вам пора встретиться.

– Конечно. – Они двинулись к дверям, но Кевин остановился, чтобы бросить еще один взгляд на кабинет. – Все именно так, как я и представлял в своих мечтах. Словно... – Он повернулся к улыбающемуся Полу Сколфилду. – Словно он заглянул в мои мечты.

Постучав, Пол открыл дверь и отступил, пропуская Кевина вперед. Кевин явно нервничал. После слов Пола он даже представить себе не мог, кто же такой Джон Милтон.

Тот же самый ковер, что покрывал пол в приемной и тянулся по коридору, преодолел все пороги и препятствия и покрыл пол кабинета Джона Милтона. Напротив двери стоял темный стол красного дерева и темно-коричневое кожаное кресло с высокой спинкой. Перед столом – два кресла. Три огромных окна за спиной хозяина кабинета образовывали практически сплошную стеклянную стену. Вид на город отсюда открывался еще более фантастический – доступный, пожалуй, только Богу.

Кевин был буквально ослеплен сиянием и роскошью. Он не сразу заметил, что Джон Милтон сидит за столом. Когда Кевин сделал еще один шаг и увидел его, ему показалось, что тот материализовался из тени.

– Добро пожаловать в «Джон Милтон и партнеры», Кевин, – теплым, бархатным голосом произнес Милтон.

Кевину сразу же вспомнился открытый, дружеский, успокаивающий тон преподобного Пендлтона из епископальной церкви Блисдейла. Услышав такой голос, сразу расслабляешься. Кевин часто пытался копировать его в своих выступлениях в суде. У него даже было специальное название – «воскресный голос».

Джону Милтону было слегка за шестьдесят. В нем необычным образом сочетались черты молодости и старости. Волосы у него были густыми, аккуратно подстриженными и уложенными, но абсолютно седыми. Когда Пол закрыл за ними дверь, Милтон поднялся. Оказалось, что он довольно высок. Улыбка осветила его бледное лицо – бледное настолько, будто вылеплено из алебаstra. На нем был темно-серый шелковый костюм, галстук рубинового цвета – платок из такой же ткани был в нагрудном кармане.

Кевин обратил внимание, как напряглись бицепсы хозяина кабинета, когда тот протянул ему руку. Он явно находился в превосходной физической форме, и это еще более усиливало странность сочетания молодости и зрелости. Подойдя ближе, Кевин заметил яркий румянец на щеках Милтона. Руку Кевина Джон пожал крепко и сердечно, словно давным-давно ждал этой встречи.

– Рад познакомиться с вами, мистер Милтон.

Когда их взгляды встретились, глаза Джона Милтона претерпели удивительную метаморфозу. Только что они были тускло-карими и вдруг превратились в сверкающие пламенные. Прямой крупный нос имел такую форму, что лицо Милтона выглядело не имеющим возраста. Даже морщинки вокруг глаз смотрелись так, словно кто-то нарисовал их карандашом всего минуту назад. Губы имели оранжеватый оттенок. Четкие скулы и упругая кожа могли бы принадлежать молодому человеку, но в то же время это лицо говорило о мудрости, приобретенной с годами.

– Надеюсь, Пол показал вам ваш будущий кабинет?

– О да! Это просто фантастика! Мне очень понравилось!

– Я рад, Кевин. Пожалуйста, садитесь. – Милтон жестом указал на кожаное кресло с высокой спинкой и подлокотниками красного дерева. Подлокотники украшала резьба с изображением персонажей греческой мифологии – сатиров, минотавров.

– Благодарю вас, Пол, – произнес Милтон, и Кевин, оглянувшись, увидел, что Пол Сколфилд выходит.

Джон Милтон вернулся в свое кресло. Кевин заметил, насколько он подтянут. Его осанка сделала бы честь любому монарху – так гордо он нес голову. Милтон сел в кресло, как на трон.

– Как вы знаете, мы уже некоторое время следим за вами, Кевин. Мы хотели бы, чтобы вы приступили к работе на следующей неделе. Конечно, это довольно быстро, но у меня для вас уже есть дело. – Милтон указал на толстую папку, лежавшую справа от него.

– Правда? – Кевин хотел спросить, откуда Милтон знал, что он согласится, но потом решил, что это будет невежливо. – И что за дело?

– Я покажу его вам в свое время, – довольно жестко отрезал Джон Милтон, и Кевин поразился тому, как быстро теплый и дружеский тон сменился твердым и

решительным. – Сначала я хотел бы познакомить вас со своими принципами. Их разделяют все мои партнеры, которые, как вы скоро поймете, являются для меня не просто партнерами. Наши отношения – это нечто большее. Они – моя семья. Мы работаем как одна команда. Мы преданы друг другу, и это не ограничивается одними лишь профессиональными отношениями. Мы заботимся друг о друге и о наших семьях. Никто не работает в вакууме: семья, жизнь, другие проблемы – все это оказывает влияние на работу. Вы понимаете?

– Да, – кивнул Кевин. Он почему-то вспомнил о том человеке, место которого ему предстоит занять. Может быть, мистер Милтон говорит о нем?

– Я знал, что вы поймете, – сказал Джон Милтон, откидываясь назад. Лицо его скрыла тень, словно туча закрыла солнце. – И поэтому, надеюсь, вы не сочтете странным, если я буду делать предложения и даже помогать вам в том, что, как может показаться, не связано с вашей работой у нас.

Милтон немного помолчал, потом добавил:

– К примеру, мне хотелось бы, чтобы вы жили в городе. Так получилось, что мне принадлежит роскошный жилой комплекс в идеальном районе Манхэттена, и там есть свободная квартира. Я бы хотел, чтобы вы поселились именно там – разумеется, ни о какой плате не может быть и речи.

– Без арендной платы?

– Именно. Я высоко ценю своих партнеров и их близких. Разумеется, все это будет отражено в договоре. Не считайте себя обязанным. Для меня важно быть уверенным в том, что вы и ваша жена сможете вести комфортную и приятную жизнь, пока вы будете работать у нас. Я понимаю, что у вас и вашей жены могут быть семейные узы, связывающие вас с тем местом, где вы живете сейчас. Но я не предлагаю вам переехать на другой конец страны. – Милтон наклонился вперед и улыбнулся. – Вы будете жить поблизости. Кроме того, здесь вы обретете новую семью.

Кевин кивнул.

– Это звучит... превосходно. Разумеется, мне нужно все обсудить с женой, – быстро добавил он.

– Разумеется. А теперь давайте немного поговорим о законах и о моих принципах.

Он снова придвинулся к столу, и тень, скрывавшая его лицо, исчезла.

– Закон должен абсолютно четко толковаться и не менее четко исполняться. Правосудие – это преимущество, но не основа законодательной системы. Система законодательства создана для поддержания порядка и управления людьми. – Милтон развернулся, посмотрел на Кевина и снова улыбнулся. – Всеми людьми – и так называемыми добропорядочными гражданами, и криминальными элементами.

– Сочувствие, – тон Милтона более всего напоминал университетского профессора, – это прекрасное качество, но в законодательной системе для него места нет. Это субъективное и несовершенное чувство, которое постоянно меняется, тогда как закон должен быть совершенным, не подвластным времени и универсальным.

Он сделал паузу и взглянул на Кевина. Тот быстро кивнул.

– Думаю, вы меня понимаете и согласны со мной.

– Да, – кивнул Кевин. – Возможно, я бы сформулировал это иначе, но я согласен.

– Мы с вами адвокаты – и это главное. И пока мы помним об этом, нас ждет успех.

Глаза Джона Милтона горели абсолютной уверенностью. Они буквально гипнотизировали Кевина. Джон Милтон говорил размеренно и ритмично, порой так тихо, что Кевину казалось, что он читает по губам собеседника и произносит фразы следом за ним. А потом голос Милтона неожиданно обрел силу и мощь.

Сердце Кевина бешено билось, кровь прилила к щекам. Подобное ощущение в последний раз он испытывал, когда в школьной баскетбольной команде играл матч на звание чемпионов. Тренер Марти Макдермотт произнес в раздевалке такую речь, что на площадку они вышли, пылая желанием порвать противника в клочья. Тогда он дожидаться не мог, когда мяч окажется в его руках. Теперь же

он не мог дожидаться, когда можно будет оказаться в зале суда.

Джон Милтон медленно кивнул.

– Мы понимаем друг друга гораздо больше, чем вы можете себе представить, Кевин. Как только я понял это, то сразу же отправил к вам Пола. – Он какое-то мгновение смотрел на Кевина, потом улыбнулся – улыбка вышла озорной. – Возьмем ваше последнее дело...

Милтон откинулся в кресле и, казалось, расслабился.

– Дело Лоис Уилсон? Учительницы, которую обвинили в домогательстве к детям?

– Именно. Вы блестяще построили защиту. Вы выявили слабые места в линии обвинения и двинулись вперед, сосредоточившись именно на них.

– Я знал, что у директора на нее зуб. И мне было известно, что другие девочки лгали...

– Разумеется. – Милтон наклонился и протянул вперед руки, словно желая обнять Кевина. – Но вы знали и то, что Барбара Стэнли не лжет. И что Лоис Уилсон виновна.

Кевин замер.

– Нет, конечно, вы не знали этого наверняка, но в глубине души понимали, что она домогалась Барбары Стэнли. Вы знали, что Барбара побоялась пойти к директору одна и подговорила подружек сделать то же самое. Идиот директор решил уволить учительницу...

– Я не был в этом уверен, – медленно проговорил Кевин.

– Все нормально, – снова улыбнулся Милтон. – Вы сделали то, что и должны – ведь вы были ее адвокатом. – Улыбка сошла с его лица. Теперь он казался разозленным. – Обвинение должно было сделать все то, что сделали вы. В том зале вы единственный правильно сделали свою работу. Я восхищаюсь вами и хочу, чтобы вы работали со мной. Вы настоящий адвокат, Кевин!

Кевин удивился, откуда Джон Милтон так много знает о деле Лоис Уилсон, но не стал проявлять любопытство. Ему и без того было о чем подумать. Они обсудили финансовые вопросы, и Кевин понял, что Пол Сколфилд не преувеличивал. Ему предложили вдвое больше, чем он зарабатывал сейчас. Милтон сказал, что переехать в новую квартиру можно будет сразу же, если Мириам она понравится. Когда разговор был закончен, он вызвал секретаршу и попросил ее пригласить Пола Сколфилда. Пол появился мгновенно, словно стоял за дверью.

– Он снова в ваших руках, Пол. Кевин, добро пожаловать в семью. – Милтон протянул руку, и Кевин крепко ее пожал.

– Спасибо.

– Как я сказал, вы сможете переехать в вашу квартиру еще до выходных. Можете в любое время приехать с женой, взглянуть на нее.

– Еще раз спасибо. Дождаться не могу.

Милтон понимающе кивнул.

– Какой человек, а! – тихо сказал Пол, когда они выходили из кабинета.

– Удивительно, как он сразу видит суть вещей. Он очень серьезен, но думает не только о бизнесе. Мне показалось, что он очень душевный человек.

– О да. Честно говоря, – Пол остановился, – мы все любим этого парня. Он нам... как отец.

Кевин кивнул.

– Да, я тоже это почувствовал. – Он оглянулся. – Мне казалось, что я сижу и разговариваю с собственным отцом.

Пол рассмеялся, приобнял Кевина, и они двинулись дальше по коридору. Они остановились у кабинета Дейва Котейна. Дейв оказался ближе Кевину по возрасту – ему был всего 31 год. Он тоже окончил юридический факультет Нью-

Йоркского университета. Они сразу же погрузились в воспоминания о профессорах и преподавателях. Дейв был невысоким и крепким, с коротко подстриженными светло-русыми волосами. Его стрижка напоминала военную. Кевин подумал, что Мириам он понравился бы – голубые глаза, мягкая, приятная улыбка. Она сразу увидела бы в нем своего младшего брата, Сета.

Несмотря на внешнюю хрупкость, Дейв обладал глубоким, низким голосом – за такой голос любой хормейстер душу дьяволу продал бы. Кевин представил, как он в суде допрашивает свидетеля – такой голос эхом отдавался бы в душах внимающих ему слушателей. С первой минуты Кевин почувствовал, что Дейв Котейн – очень умный и интеллигентный человек. Позже Пол сказал ему, что Дейв вошел в пятерку лучших выпускников Нью-Йоркского университета и мог бы работать в любой престижной юридической фирме Нью-Йорка или Вашингтона.

– Давайте продолжим экскурсию, – предложил Пол. – У вас с Дейвом еще будет немало возможностей пообщаться – и у ваших жен тоже.

– Отлично. У вас есть дети? – спросил Кевин.

– Пока нет, но мы собираемся, – ответил Дейв. – Мы с Нормой находимся практически в том же положении, что и вы с Мириам.

Кевин улыбнулся было, но потом ему показалось странным, что сотрудники так хорошо осведомлены и о его личной жизни тоже.

Пол предвосхитил его вопрос.

– Мы изучаем потенциальных кандидатов со всех сторон, – сказал он, – так что не удивляйтесь тому, как много мы уже знаем о вас.

– Вы уверены, что работаете не на ЦРУ?

Дейв и Пол переглянулись и рассмеялись.

– Я чувствовал себя так же, когда Пол и мистер Милтон рассматривали мою кандидатуру.

– Мы поговорим с вами позже, – сказал Пол, и они с Кевином направились в юридическую библиотеку.

Библиотека оказалась вдвое больше, чем в «Бойл, Карлтон и Сесслер». Здесь имелись все новейшие материалы. Пол Сколфилд объяснил, что компьютер подключен к полицейской базе данных и даже к федеральной базе. Кроме того, здесь хранилась вся информация по прецедентам и материалы следствия. Благодаря этому адвокаты могли тщательнейшим образом анализировать полицейские материалы и отчеты криминалистов. За монитором сидела секретарша, которая вводила новую информацию, предоставленную одним из частных детективов.

– Венди, это Кевин Тейлор, наш новый партнер. Кевин, это Венди Аллен.

Секретарша обернулась, и Кевин снова был поражен ослепительной красотой ее лица и восхитительной фигурой. Венди Аллен было не больше 22–23 лет. Светлые волосы лежали мягкими волнами, на лоб ниспадала челка. Она улыбнулась, сверкнув карими глазами.

– Привет.

– Здравствуйте.

– Венди будет исполнять обязанности вашего секретаря параллельно с работой у Дейва, – объяснил Сколфилд. – Потом мы найдем вам личного секретаря.

Кевин улыбнулся при мысли о том, что у него будет личная секретарша.

– Буду рада работать с вами, мистер Тейлор.

– Я тоже.

– Нам нужно застать Теда, – шепнул Пол. – Я только что вспомнил, что сегодня он должен вносить залог.

– Да, конечно...

Кевин последовал за Полом, по пути оглянувшись на красавицу Венди. Она одарила его ослепительной улыбкой.

– Как вам удается сохранить хладнокровие рядом с такими ослепительными девушками? – спросил Кевин шутливо.

Пол остановился и повернулся к нему.

– Венди и Диана очень красивы. Элейн и Карла тоже. Но все они – первоклассные и очень профессиональные секретари. – Пол улыбнулся и оглянулся на библиотеку. – Мистер Милтон говорит, что большинство мужчин привыкли считать красивых женщин не слишком умными. Однажды он выиграл дело, потому что прокурор считал именно так. Напомните мне, чтобы я попросил его рассказать вам об этом. Кстати, – добавил он, понижая голос, – мистер Милтон нанимает всех секретарей лично.

Кевин кивнул, и они направились в кабинет Теда Маккарти.

Маккарти напомнил Кевину его самого. Он был на пару лет старше, примерно такого же роста и телосложения, с черными волосами и темно-кариими глазами. Он тоже родился и вырос на Лонг-Айленде. Маккарти жил в Нортпорте и учился на юридическом факультете университета Сиракуз.

Его жена, как и Мириам, тоже росла на Лонг-Айленде. Она работала секретаршей у доктора в Коммаке. У них тоже не было детей, но и они подумывали об увеличении семьи.

Кевин почувствовал, что Тед Маккарти – настоящий педант. Он сидел за широким черным дубовым столом. Бумаги были сложены в идеальном порядке. В большой серебряной рамке стояла фотография его жены, в другой рамке – свадебная фотография. В сравнении с кабинетами Дейва Котейна и Пола Сколфилда офис Маккарти можно было назвать спартанским, зато здесь лучше ощущалась атмосфера порядка и аккуратности.

– Рад познакомиться с вами, Кевин, – сказал Маккарти, поднимаясь из-за стола, когда Пол их представил.

Тед обладал таким же глубоким ораторским голосом и великолепной четкой дикцией, как Дейв и Пол.

- Не сомневался, что вы скоро будете работать с нами - мистер Милтон и Пол высоко о вас отзывались.

- Похоже, все это знали раньше меня, - улыбнулся Кевин.

- Со мной было так же, - кивнул Тед. - Я работал в фирме отца и даже не помышлял уходить, когда ко мне обратился Пол. Но к моменту разговора с мистером Милтоном я уже обдумывал, как бы поделикатнее сообщить эту новость отцу.

- Поразительно.

- Не проходит и дня, чтобы не случилось чего-то поразительного. А теперь, когда вы присоединяетесь к нам...

- Жду с нетерпением...

- Удачи и добро пожаловать, - сказал Тед. - А теперь мне нужно бежать. Должен внести залог за клиента, которого обвиняют в изнасиловании соседской девочки-подростка.

- Правда?

- Расскажу на следующем совещании.

Кевин кивнул и вслед за Полом вышел из кабинета. В дверях он остановился.

- Хочу вас кое о чем спросить, Тед... - Его беспокоило, как отнесутся к его решению Мириам, ее родители и его собственные.

- Да?

- Как вы сообщили об этом отцу?

– Я сказал, что всегда хотел заниматься уголовными делами и что мистер Милтон произвел на меня глубокое впечатление.

– Но ведь вы должны были унаследовать семейную фирму?

– О. – Тед улыбнулся и покачал головой. – Очень скоро вы поймете, что это тоже семейная фирма.

Кевин кивнул. Искренность Теда произвела на него глубокое впечатление.

Кевин вернулся в свой будущий кабинет и уселся за огромный стол. Заложив руки за голову, он откинулся на спинку кресла, потом повернулся, чтобы полюбоваться видом. Он чувствовал себя на миллион долларов. Ему не верилось в такую удачу – богатая фирма, бесплатная роскошная квартира на Манхэттене...

Кевин снова повернулся к столу и заглянул в ящики. Чистые блокноты, новые ручки, свежий ежедневник – здесь было все. Он уже закрывал нижний ящик, как вдруг что-то привлекло его взгляд. Маленькая коробочка из ювелирного магазина...

Он вытащил ее и открыл. Внутри лежало золотое кольцо с выгравированным инициалом «К».

– Подгоняете кресло? – В кабинет вошел Пол.

– Что? О... да... Что это? – Он показал на кольцо.

– Уже нашли? Это небольшой приветственный подарок от мистера Милтона. Он заказал такие кольца для всех нас.

Кевин осторожно вынул кольцо из коробочки и примерил. Кольцо подошло идеально. Это удивило Кевина, но Пол, судя по всему, не видел в этом ничего необычного.

– Такими мелочами он показывает нам, что ценит нас в человеческом плане. И это отличает нашу контору, Кевин.

- Понимаю. - Кевин на минуту задумался, потом снова перевел взгляд на кольцо. - Но откуда он знал, что я соглашусь на его предложение?

Пол пожал плечами.

- Я же говорил, что он прекрасно разбирается в людях.

- Поразительно. - Кевин оглядел кабинет. - А этот человек... Джеффи?

- Что?

- Неужели никто не видел, что с ним творится?

- Мы знали, что он подавлен. Все пытались ему помочь. Мистер Милтон нашел няню для его ребенка. Мы делали все, что было в наших силах, звонили ему, навещали. Мы ощущаем свою ответственность - это была наша вина...

- Я не предполагал...

- Да нет. Мы все живем в одном доме. Мы должны были помочь ему.

- Вы все живете в одном доме?

- И вы тоже там поселитесь. Скорее всего, вы займете квартиру Джеффи.

Кевин потерял дар речи. Он не знал, как к этому отнесется Мириам.

- А как... как он это сделал?

- Он выбросился с балкона, - просто сказал Пол. Потом он криво улыбнулся: - Но это не должно вас беспокоить. Не думаю, что квартира проклята.

- И все же, думаю, мне не стоит рассказывать об этом жене...

– Разумеется. По крайней мере, пока вы не освоитесь и она не поймет, насколько безопасной и комфортабельной станет ее жизнь. И тогда ее оттуда не выгонит и стадо диких слонов.

Глава 4

Только свернув со скоростной магистрали, Кевин понял, как резко изменится их с Мириам жизнь. Нет, он не жалел об этом – как раз наоборот, он не припоминал, чтобы мысли о жизни и карьере когда-нибудь вселяли в него такой восторг. Но чем ближе он подъезжал к идиллическому маленькому городку, где они с Мириам намеревались прожить всю жизнь, тем яснее ему становилось, что он собирается уничтожить эту мечту. Однако что ни делается – все к лучшему. Мириам это понравится, обязательно. Да разве это может не понравиться? Он заработает много денег, и тогда они смогут построить по-настоящему большой дом своей мечты. Их жизнь станет более космополитичной. Они забудут о том, что ему теперь казалось удушающей провинциальностью.

А самое главное, они расширят круг друзей, познакомятся с гораздо более интересными людьми, на голову выше так называемого изысканного высшего класса Блисдейла. Два других адвоката из конторы Джона Милтона ему сразу понравились. Он был уверен, что и Мириам они тоже придутся по душе.

Он вернулся в офис, проверил свои сообщения. Мириам звонила, но он решил поговорить с ней, когда вернется домой.

Они с Мириам жили в Блисдейл-Гарденз. Этот комплекс деревянных таунхаусов расположился на окраине города в окружении настоящего леса. Таунхаусы представляли собой комфортные и просторные квартиры в двух уровнях с кирпичными каминами. В комплексе имелся общий бассейн и два земляных теннисных корта. Они с Мириам прекрасно чувствовали себя здесь, но когда он смотрел на городок, возвращаясь домой, Блисдейл показался ему страшно провинциальным. Он никогда этого не замечал – городок убаюкивал своих жителей, погружал в сонную трясину. Теперь же он увидел нечто большее. Если они останутся здесь, то ничего этого ему не видать.

Он поставил машину в гараж, но не успел открыть входную дверь. Ему открыла Мириам. Она была явно встревожена.

– Где ты был? Я думала, ты позвонишь и мы сможем пообедать вместе. Ты же знал, что я хочу узнать, что скажет Сэнфорд Бойл.

Кевин вошел и аккуратно закрыл за собой дверь.

– Забудь про Бойла, забудь про Карлтона, забудь про Сесслера.

– Что? – Мириам прижала руку к груди. – Почему? Они не предложили тебе партнерство?

– Партнерство? Нет. Совсем наоборот.

– Что ты говоришь, Кевин?

Кевин покачал головой.

– Нет, меня не уволили, но предложили подыскать что-то более подходящее моему... моему характеру.

Кевин прошел в гостиную и рухнул на диван. Мириам с изумленным видом вошла за ним.

– Это из-за того последнего дела, да?

– Полагаю, оно и стало той соломинкой, что сломала спину верблюду. Брось, Мириам, я не подходил им, а они не подходили мне.

– Но, Кев... Три года все было так хорошо. Я так и знала, что тебе не нужно было браться за это дело. Я знала это. А теперь смотри, что случилось.

Мириам заплакала. Она просто не смогла сдержаться. Что теперь будет? Кевин защищал лесбиянку и потерял место в одной из самых престижных юридических фирм города. Она прямо слышала голос матери: «Я же тебе говорила!»

– Успокойся, – улыбнулся Кевин.

– Успокойся?! – Мириам наклонила голову. Почему его это совершенно не волнует? – Где ты был, Кевин? – Она взглянула на часы на каминной полке. – Ты вернулся не рано...

– Угу. Иди ко мне, сядь рядом. – Кевин похлопал по дивану рядом с собой. – Мне нужно многое тебе рассказать.

– Твоя мать звонила, – пробормотала Мириам. Казалось, она предчувствует, что он скажет, и пытается напомнить ему о том, что связывает его с этим городком.

– Я перезвоню ей попозже. Все хорошо?

– Да. Она хотела поздравить тебя с победой в суде, – сухо произнесла жена.

– Отлично. Тогда она обрадуется еще больше.

– Чему, Кевин? – Мириам решила сесть напротив него, сложив руки на коленях.

– Не волнуйся, дорогая. Наша жизнь станет только лучше.

– Как?

– Понимаешь, я собирался уходить из «Бойл, Карлтон и Сесслер». И слава богу!

– Ты же так гордился этой работой, – с горечью произнесла Мириам.

– Это в прошлом. Что я знал? Я был мальчишкой, только что окончил университет. Я был счастлив любому предложению, но теперь...

– Что? Скажи мне, – более резко сказала она.

– Хорошо. – Кевин наклонился вперед. – Помнишь того человека, который подошел к нам в баре в «Брэмбл Инн»? Он еще дал мне свою визитку.

- Да.

- Ну так после неприятного разговора с этой троицей я нашел эту визитку.

- И что ты сделал?

- Я позвонил ему и поехал на Манхэттен. И там... я словно попал в свою мечту. Богатая нью-йоркская фирма. Ты сама все увидишь. Офис на 28-м этаже. Потрясающий вид. И они буквально завалены работой – так быстро они сделали себе имя в Нью-Йорке. Им страшно нужен еще один адвокат.

- Что ты сделал, Кевин?

- Поверь, тот Пол не шутил. Они будут платить мне вдвое больше, чем в «Бойл, Карлтон и Сесслер». Даже если бы я стал партнером, я не получил бы таких денег. Это очень большие деньги, Мириам! Кроме того, я смогу заниматься тем, чем всегда хотел, – я буду работать над уголовными делами!

- А вдруг у тебя не получится, Кевин? Здесь все было так хорошо, ты уже многого добился...

- Как это не получится? Не думал, что моя жена настолько во мне не уверена. – Изобразить разочарование Кевину не стоило труда – он привык к этому в суде.

- Я лишь пытаюсь...

- Я знаю. Такой серьезный шаг всегда пугает, но когда ты с ними познакомишься... И это самое лучшее, Мириам: остальные партнеры, Тед, Дейв и Пол тоже женаты, и у них тоже еще нет детей. Жены Дейва и Теда примерно твоего возраста. Мы сможем общаться с людьми, с которыми у нас много общего. Ну что у тебя общего с Этель Бойл, Барбарой Карлтон или Ритой Сесслер? Ты же знаешь, они все еще считают себя лучше нас, потому что я не партнер. И не говори мне, что ты не жаловалась на то, что они относятся к тебе как к ребенку!

- Но у нас есть другие друзья, Кевин!

– Я знаю, но настало время расширить горизонты, дорогая. Эти люди живут и работают в Нью-Йорке. Они ходят на выставки, концерты, в художественные галереи, ездят отдыхать за границу. Наконец-то ты сможешь сделать то, о чем всегда мечтала...

Мириам задумалась. Может быть, Кевин прав? Может быть, она слишком засиделась здесь? Может быть, настало время вырваться из кокона?

– Ты правда считаешь, что это правильный шаг, Кевин?

– Дорогая. – Он поднялся и подошел к ней. – Это не просто правильный шаг – это прекрасный шаг!

Он поцеловал ее и сел рядом с ней, взяв ее за руки.

– Для меня главное – твое счастье. Я не совершу ничего, что сделает тебя несчастной, как бы мне этого ни хотелось. Я просто не могу быть счастливым без тебя.... Мы же половинки одного целого...

– Да...

Мириам закрыла глаза и прикусила нижнюю губу. Кевин погладил ее по щеке, и она открыла глаза.

– Я люблю тебя, Мириам. Я не представляю, что кто-нибудь может любить тебя сильнее!

– О, Кев...

Они поцеловались, и Мириам заметила новое кольцо.

– Где ты это взял, Кевин? – Она взяла его за руку, чтобы рассмотреть кольцо. – Твой инициал?

– Ты не поверишь! Это подарок от мистера Милтона – нечто вроде приветствия...

- Правда? Но откуда они знали, что ты примешь предложение?

- Когда ты познакомишься с мистером Милтоном, ты поймешь. Этот человек буквально излучает уверенность, силу, успех.

Она покачала головой и снова взглянула на кольцо.

- Высшая проба, - с гордостью произнес Кевин, помахивая рукой.

- Они тебя просто очаровали...

- Верно.

- Но, Кевин, а как же дорога? Ты же никогда не хотел ездить так далеко.

- Мистер Милтон предложил прекрасное решение, - улыбнулся Кевин. - Это кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, тем не менее это так.

- Что? Что? Скажи мне! - Мириам буквально подпрыгивала на диване.

Кевин улыбнулся ее нетерпению.

- Несколько лет назад он вел одно дело и в результате купил жилой дом на Риверсайд-драйв. Там есть квартира для нас.

- Риверсайд-драйв? Ты хочешь сказать, что мы переедем в Нью-Йорк?! - Мириам старалась изо всех сил, но Кевин знал, что ей не хотелось жить в городе.

- Знаешь, за сколько продается эта квартира?

- Понятия не имею.

- Шестьсот тысяч долларов!

- Но, Кевин, разве мы можем себе это позволить?

- А нам и не нужно!

- То есть?

- Мы можем жить там, пока не построим дом своей мечты. Никакой арендной платы, ничего. Даже электричество оплачивать не нужно.

Мириам была настолько изумлена, что Кевин расхохотался.

- И представь себе - Тед Маккарти, Дейв Котейн и Пол Сколфилд вместе с женами живут в том же доме!

- А где живет мистер Милтон?

- В пентхаусе в том же доме. Тед Маккарти сегодня сказал мне: «Джон Милтон и партнеры» - это одна большая семья.

Соппротивление Мириам стало постепенно слабеть. Ему явно удалось ее заинтересовать.

- А мистер Милтон? У него есть жена и семья?

- Нет. Может быть, поэтому он относится к партнерам как к своей семье.

- И что он за человек?

- Мириам, - проникновенно сказал Кевин, - Джон Милтон - самый харизматичный и обаятельный человек, какого я только встречал в жизни.

Рассказывая Мириам об этой встрече, Кевин никак не мог отделаться от ощущения, что все переживает вновь. Каждая деталь оживала в его воображении.

После ужина они легли спать совершенно измученными. Утром Кевин решил, что виной всему был ночной кошмар. Ему снилось, что он снова в суде, снова защищает Лоис Уилсон. Но на сей раз на месте судьи он увидел мистера

Милтона, который одобрительно ему улыбался. Кевин повернулся к Барбаре Стэнли и увидел, что она совершенно обнаженная. Лоис Уилсон стояла за ее спиной. Кончиками пальцев она теребила ее соски. Потом она взглянула на него, похотливо улыбнулась и потянулась рукой в пах девочки.

- Нет! - закричал он.

- Кевин?

- Нет! - Кевин открыл глаза.

- Что случилось?

- Что?

- Ты кричал...

- Что? А, да... - Кевин энергично потер лицо, чтобы избавиться от все еще стоявшей перед глазами картины. - Всего лишь кошмар.

- Не хочешь рассказать? - встревоженно спросила Мириам.

- Нет. Лучше еще посплю. Все в порядке. Это пустяки.

Мириам что-то проворчала и мгновенно заснула. А через несколько минут и Кевин закрыл глаза.

Утром он позвонил в офис, сказать, что не придет. Он попросил Мэри перенести его встречу с Сеттонами. Секретарша удивилась, начала расспрашивать, но Кевин повесил трубку. После этого разговора они с Мириам оделись, позавтракали и отправились в Нью-Йорк. Ночью шел снег - во второй раз за этот год. Снегу намело сантиметров восемь, а ведь еще даже декабрь не наступил. Земля была покрыта мягким белоснежным ковром, снег поскрипывал под ногами, и Мириам сразу захотелось в Рождество. Она даже услышала позвякивание колокольчиков на санях. Садясь в машину, она взглянула на небо и среди туч разглядела клочок синего неба. Сквозь тучи пробилось солнце. Лучи

заиграли на снегу, превращая его в блестящие клочки сахарной ваты.

Однако плотная пробка на Гранд-Сентрал-Парквей быстро превратила сверкающие хлопья в черно-бурую слякоть. Из-под колес едущих впереди автомобилей на лобовое стекло летела жирная грязь. «Дворники» счищали ее с монотонной регулярностью. Прямо впереди на горизонте сгущались низкие серые тучи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/endru-nayderman/advokat-dyavola-17195016/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/endryu-nayderman/advokat-dyavola-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)